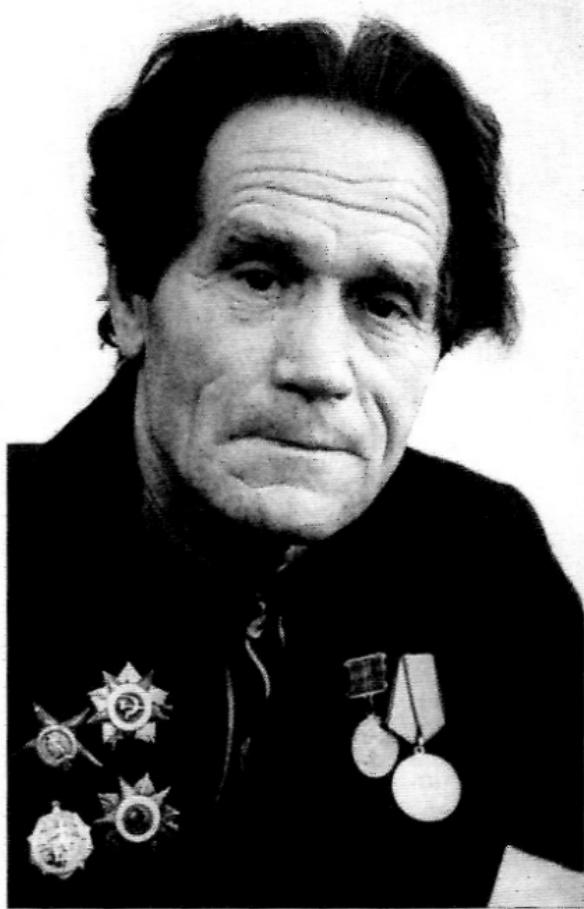

The background of the book cover features a soft-focus landscape painting. It depicts a calm body of water in the foreground, a dark green forested shoreline, and a range of hills or mountains in the middle ground. The sky is filled with large, wispy clouds in shades of light blue, green, and yellow. Two dark silhouettes of birds are flying in the upper right quadrant of the sky.

ПЁТР КОВАЛЕНКО

Паруса любви

ПЁТР КОВАЛЕНКО

Паруса любви.

избранные стихи

ИД «Класс Плюс»

Красноярск · 2010

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос = Рус) 6-5
к 56

Коваленко, Пётр Павлович

к 56 Паруса любви: избранные стихи
Красноярск: ИД «Класс Плюс», 2010.— 256 с.

Поэтический сборник «Паруса любви» состоит из лучших стихотворений старейшего поэта Красноярского края, члена Союза писателей Петра Павловича Коваленко, участника Великой Отечественной войны, фронтовика-разведчика, многократно награждённого, четырежды раненного в жестоких боях. Эта книжка посвящена темам войны и мира; в ней три раздела: «Паруса любви» — вдохновенный гимн любви, «Зов родимой земли» — о Родине и родном Причулымье, и самый значительный раздел, «В огне, среди огня» — о фронтовых дорогах, о Победе. Стихи П. П. Коваленко хрестоматийны. По ним можно и нужно учиться, как любить и защищать Родину.

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос = Рус) 6-5

© Пётр Коваленко, 2010

1. Паруса любви

Предисловие

| 5

Нами составлен и подготовлен к печати сборник избранных стихов старейшего члена Красноярской писательской организации, члена Союза писателей России, участника и инвалида Великой Отечественной войны Петра Павловича Коваленко под названием «Паруса любви».

В сборнике — три раздела: первый раздел, «Паруса любви» — стихи о любви; второй раздел, «Зов родимой земли» — о Родине и о родном для автора Причулымье, и третий раздел, «В огне, среди огня» — о войне, о фронтовых дорогах и о Победе, значение которой и теперь, через 65 лет после окончания Великой Отечественной войны, мы не в состоянии оценить в полной мере.

Для многих красноярцев, знакомых с творчеством П. П. Коваленко, он остаётся, главным образом, поэтом одной-единственной, военной, темы. Кстати, его военные стихи очень ценил В. П. Астафьев. Однако представленный сборник позволяет судить о нём как о поэте многогранном, в том числе — и как о глубоком и тонком лирике, касающемся самых сердечных струн души.

Палитра его лирических стихов разнообразна; чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть хотя бы несколько стихотворений из первого раздела: «Жажда», «Опять весна, поют ручьи...», «Последняя ягодка», «Заласкаю, зацелую», «Письмо из

6 | зимовья», «Малина спеет по ночам...», «Я тобой через край переполнен...»:

Я тобой через край переполнен.
Ты со мною и ночью, и днём.
Так вот к берегу катятся волны
И ласкается колос дождём,
И заря обнимается с долом,
И в бокалах гуляет вино.
Я—зерно твоё,
Ты—моё поле.
Вместе нивой нам стать суждено.

Впрочем, стихи о любви лучше не цитировать, а читать целиком — и читать уединённо, с особым настроением, чтобы никто не мешал.

Раздел «Зов родимой земли» — тоже, по большому счёту, посвящён любви. Только — это объяснение в страстной, бесконечной любви к родному краю:

Цветами радуги играя,
Засыпав щедро всё кругом,
Роса осенняя, густая
Горит на солнце серебром.
А я росиночку — в ладони,
Я языком её — с травы...
И сердце плачет, сердце стонет
И цепнеет от любви.

И холодок бежит по телу,
 И обжигает вдруг огнём...
 Нам этот мир сберечь сумели,
 И мы для внуков сбережём.

Любовь к Родине, к родной земле, ко всему существу на ней нынче — в большом дефиците. И я бы прописывал «россиянам» стихи П. П. Коваленко для ежедневного приёма. Для души.

Третий, заключительный, раздел сборника, «В огне, среди огня» — самый значительный по объёму. И самый важный по своей достоверности. Каждое из стихотворений — документ времени, выстраданный, написанный собственной кровью. И мы вслед за автором возвращаемся в те страшные годы: «Ещё один поник закат, солдатской кровью истекая... Кого-то унесли в санбат, а кто-то в поле умирает...» И ещё: «Убитые не отступают. Бронёю стала им земля. Они, травою прорастая, лежат на линии огня...»

П. П. Коваленко до сих пор, как и его убитые однополчане — на линии огня. Он грудью защитил Родину. Он победил. И его пронзительные, искромётные, огнедышащие поэтические строчки должны жить в нашей памяти, как завещание всем будущим поколениям. И поэтому должна получить путёвку в жизнь его книга избранных стихов «Паруса любви», составленная

8 | из лучших стихов, написанных им в течение долгой и плодотворной творческой жизни, и подготовленная к печати группой красноярских профессиональных писателей и редакторов, бесконечно уважающих поэта-фронтовика и его творчество.

Владимир Зыков

Заслуженный работник культуры
Российской Федерации, член Союза
российских писателей

1. Паруса любви

Сойду с ума,
А, может, поумнею,
Когда узнаю точно,
Что с другим
Встречалась ты
Весной на Енисее
И целовалась
Не со мной,
А с ним.
Была его
Умом, душой и телом.
И обещала
верной быть в любви.
Пролётной чайкой
Счастье пролетело
И не вернётся—
Сколько ни зови.
Вот почему
В твоих глазах
Сквозь просинь
Порою тучки
Чёрные видны...
Какой бы ни была
Хорошей осень,
Ей не бывать
Желаннее весны.

Есть станция Лена...

Не где-то,
А в нашем сибирском краю.
В сугробы, как в доху, одета.
Я здесь на платформе стою.
Тайга подступила к окошкам —
Рогами бодает стекло.
Засыпаны снегом дорожки,
Всю ночь тут, как видно, мело.
А рядом — лучистые рельсы,
Седой неуёмный вокзал.
Проездом из дальнего рейса
Сюда я случайно попал.
Да, спутала, видно, дорожки
Метели седая возня.
Тайга подступает к окошкам,
Тайга окружает меня.
Звонок — я бегу по ступенькам.
Качается в дымке вокзал.
Наверно, вот так Евтушенко
Сюда из Москвы приезжал.
А утром на станцию Лена
Летит телеграмма моя:
«Проехал. Вернусь непременно
В таёжные эти края».

Ни дождей, ни холода,
Дни — июльских краше.
Небо — синий колокол,
Тронь — и зазвенит...
Кружит, кружит, кружит,
Кружит лист опавший,
Кажется, не падает —
висит.
Вдоль притихших просек,
Сети паутины
Ловят, как корзины,
Щедрые лучи.
Говорят, что осень
Будет очень длинной,
И не скоро выюга
Обнажит мечи.
Лес, как очарованный,
Охрою окрашенный —
Будто бы не осень,
А закат горит.
Кружит, кружит, кружит,
Кружит лист опавший
И, прощаясь с летом,
Всё звенит, звенит.

Любовь.

А ты когда была?

В какую дверь вошла,

В какую вышла?

Где поскользнулась?

Снизилась до зла

И оказалась неприметной,

Лишней?

А я всё сочиняю о тебе,

Ревную с гневом

К каждому прохожему,

Ревную, как безумец,

Сам к себе.

И в ревности сгораю

Уничтоженный.

Любовь!

А есть ли,

Есть ли в жизни ты?

А, может, пылким

Вымыслом поэта

Возвышены до божества мечты? —

А я, наивный,

Жду ещё ответа.

В раздумье снова
Тереблю я чуб.
Виню в ошибках
Всех напропалую,
И глаз моих,
Моих солёных губ
Давным-давно
Никто уж не целует.
Красавицы оставили меня.
Желанные?
Желаний много гасло.
И та, одна,
Которой верил я,
Ушла к другому...
Верил я напрасно.
Наверно, демон
В душу влез ко мне.
Всю ночь маячит
С картами гадалка.
И редко-редко
Грезится во сне,
Как прежде,
Синеглазая русалка.

Ты слышал, как над нами шепчут звёзды,
Когда мы спим спокойно по ночам?
Чужих миров таинственные гости
С небес на землю прилетают к нам.
Есть у индусов древнее поверье:
Усопшего душа взлетает ввысь.
И с высоты,
Из райского преддверья,
Светясь звездой,
С тоскою смотрит вниз.
И падают...

А чуть заря
Багровым брызнет соком,
Они опять взлетают в небеса...
И на цветы,
На пёрышки осоки,
Сверкая, осыпается роса.
А жизнь идёт,
И время память глушит,
И кто-то вновь уходит навсегда...
Спеши, спеши
В полночный час послушать,
Как со звездою шепчется звезда.

Обида

| 17

Она спешила.
Как она спешила
Подснежник первый
В роще отыскать
И лепестки,
Что инеем пронзило,
Дыханьем и губами согревать!

Она спешила
Трепетною ранью
В ведро с брусникой
Зачерпнуть росу.
И напрямик
К затерянным полянам
Нести зарю,
Как росы на весу.

И звонким смехом
Птиц в полях будила,
И песней откликалась по весне.
Она спешила.
Как она спешила! —
Ах, как обидно! —
Только не ко мне.

Малина спеет по ночам.
И спеют по ночам девчата.
А накануне, на закате,
Гармошек пенье тут и там.

Малина спеет по ночам.
И по ночам седеют мамы.
Гуляют девушки с парнями,
Как в юности гулялось нам.

Малина спеет по ночам.
Моя давно уже опала...
Суровым было лето. Мало
Досталось сочных ягод нам.

Малина спела по ночам.
А мы пластились по окопам.
И обрывались жизни тропы...
Не до свиданий было нам.

Малина спела по ночам
И осыпалась скорбно в осень.
Не прячь под шаль седые косы,
И мне в усах не спрятать шрам.

* * *

| 19

Над рекою тропочка
Вьётся, вьётся, вьётся.
Кто-то в белой кофточке
У куста смеётся.

А в сырой осоке
Коростель трезвонит
И зовёт в дорогу
За собой влюблённых.

Не мешай, не надо.
Счастье, друг, не вечно.
Будут ливни с градом.
Будет ветер встречный.

Отпояют, отлюбят,
Отпылают очи
И другим уступят
Тропочки и ночи.

И другая птица
Будет до рассвета
И стонать, и биться
В травостое лета.

Кто сказал,
Что всё забудется?
Кто сказал,
Что всё пройдёт?
Старый клён
На старой улице
Снова в мае расцветёт.
Обмороженный, завьюженный,
Иней с веток отряхнёт,
И несуженным, и суженным
Серьги-бусы поднесёт.
Распахнётся, закурчавится,
Сдвинет шапку набекрень...
Русь не только прошлым славится —
Славен каждый новый день.
Кто погиб,
Тот не забудется,
Тем бессмертье и почёт.
Старый клён
На старой улице
Кольца-память бережёт.

Что было, то было.
Зачем ворошить?
Любила,
Грустила,
Сумела забыть.
И новые встречи
В дорогу зовут,
И ливни — картечью,
И ветры секут.
И солнце,
Косматое солнце, как сноп,
С любимым смеётся,
Уводит без троп.
И щедрая осень
Нам дарит жарки.
Бери без расспросов,
Бери — береги!
Что было, то было.
Зачем ворошить?
Как прежде любила —
Уже не любить.

Жажда

Мы с тобой—
И кажется мне: больше
Ничего не надо на земле.
На распашку каждая нам роща,
Каждая калитка на селе.
Как светлы зареченские дали!
Как нарядны радуги в полях!—
Где прошли
И где мы не бывали
С негасимой жаждою в сердцах.
Я целую каждый подорожник,
Лютики, малютки-лепестки,
где твои касались босоножки
и твои ступали сапоги.
Я склонюсь над каждой волною,
К каждому ручью и роднику.
Окунусь в запруду с головою,
В облака, в зелёную кугу.
На заре аукнусь за рекою,
Радуясь, рыдая и скорбя...
Я всегда, всегда, всегда с тобою,
Если даже рядом нет тебя.

Вы можете
Мне не давать ответ —
Ни словом не обмолвиться, ни строчкой.
Вы можете на всё поставить точку,
И выюга занесёт мой поздний след.
Вы можете меня не замечать
И стороною обходить при встрече.
Другому руки положить на плечи,
Слова любви несвязные шептать.
Вы можете твердить...
И вы правы:
«Я отдана, и я верна другому».
А сколько тропок тайных у любви,
Знакомых нам,
А больше незнакомых?
Вы можете обманывать себя.
Но в нежном сердце,
В самом уголочке,
Оставили вы место для меня.
И счастлив я...
И вы не ставьте точку.

Я женской ласки до тебя не знал.
Меня в атаках пули целовали.
Но я мечтал —
Как пылко я мечтал,
Открыть любви ночное одеяло!

Мы встретились...
Неискушённый жизнью,
Я целиком доверился тебе.
Ты стала для меня родной и близкой,
Единственной в моей судьбе.

Тебе весной носил я первоцветы,
Клубнику летом в крапинках росы.
Но оставалось чувство без ответа,
И словно сквозь меня смотрела ты.

Не нужный никому, завял подснежник.
Сочится сок сквозь пальцы —
Ягод кровь.
И угасает потихоньку нежность —
Слепая, безответная любовь.

Не зарастай, моя тропинка,
Не зарастай.

Качай, река, мои кувшинки,
Качай, качай.

Не уноси красоту с собою,
Не уноси.

Не захлестни крутой волною,
Спаси, спаси.

Одной тобой я переполнен
До самых губ.

Я каждый взгляд твой помню, помню
И трепет губ.

В твоих глазах я вижу слёзы.
Откуда грусть?

Какие я ни встречу грозы,
К тебе вернусь.

Не зарастай, моя тропинка,
Не зарастай.

Качай, река, мои кувшинки,
Качай, качай.

Цыганка-полночь босиком
Бесшумно бродит по забокам.
Луна рыбачьим котелком
Висит, краснея над костром,
Бросая блики на дорогу.

И за деревней, на лугу
Дергач подпилком точит косы.
И листья звёздами в реку
Роняет щедрая берёза.

Простонет чомга в камышах.
Журавль во сне пробьёт тревогу.
И волны, чаек вороша,
На берег выбегут отлогий.

И ты, прислушавшись, поймёшь
И эту тишину,
И эти звуки,
Когда осыплет светлый дождь
Рассвет в трепещущие руки.

Последняя ягодка

| 27

Последнюю ягодку в позднем саду
Срываю озябшей рукою.
Не знаю, что будет в грядущем году,
С какой повстречаюсь судьбою?
Приду ли к тебе я знакомой тропой,
Росистой и пахнущей мёдом?
А, может, не я — уже кто-то другой
Тебя осчастливит приходом?
И спелые ягоды брызнут в ладонь
Июльским живительным соком...
А будет ли счастлив
И вспомнит ли он
Ушедших из жизни до срока?
Последнюю ягодку в позднем саду
Сорвал я озябшей рукою...
Прости,
Если больше к тебе не приду.
Прощай!
Я был счастлив с тобою.

У степного озера

Затерялось в степи озерко.
Знать, слезу обронила лебёдка.
Не проехать.
Пешком — далеко,
И дожди напророчили сводки.
Чуть закрою глаза — предо мной,
Как щенята, ласкаются волны.
И опять я, как прежде, с тобой
Синеглазым теплом переполнен.
Наклонившись к плечу, тростники
Шепчут байки, минувшего были,
И в свирели свистят кулики
Те мелодии, что мы забыли.
Моют золото ряски чирки,
Журавли стонут в медные трубы...
И блестят вдалеке огоньки —
Чьи-то нам неизвестные судьбы.

Опять весна,
Опять поют ручьи,
И с соловьями спор ведут поэты.
А ты молчишь...
А ты опять молчишь,
И письма остаются без ответа.
А ведь у нас
Уже вовсю разлив,
Такой разлив,
Аж сердце захлестнуло,
Аж старики, усы укоротив,
Как парни, щеголяют среди улиц.
До хрипоты горланят петухи,
И всех подряд
Целует в губы ветер.
И я опять пишу тебе стихи,
И письма остаются без ответа.

30 | *На кладбищах ГУЛАГа*

Повилика, повилика
Да плакун-трава.
От вороньих жадных криков
Пухнет голова.
Ни крестов,
Ни обелисков—
Бугорки одни.
Незнакомых всех
И близких,
Боже, помяни!
Не найдёшь
В секретных книгах
Жертв тех имена.
Капли крови — земляника,
Стражем — тишина,
Ни крестов,
Ни обелисков.
Холмики одни...
Незнакомых всех
И близких,
Боже, помяни!

Всегда чего-то я хочу
И не могу иначе:
То с иволгою плачу,
То с перепёлкой хохочу.
Другие важно, не спеша
Идут, солидность соблюдая,
И в сторону мою кивают:
«Вот беспокойная душа!»
А мне покой ваш ни к чему.
Ещё успею належаться!
Мне б с детворою затеряться
В густом берёзовом дыму...
Росою пятки обжигать,
С кукушкой первой целоваться,
И с чайками перекликаться,
И мир по-новой открывать.

Сегодня ты приснилась мне во сне.
Такою я тебя не видел в жизни.
Девчонкой ты бежала по стерне
Вся в золотых веснушках,
Словно в искрах.

Плескались жаворонки в синеве,
Звенели луж серебряных оконца.
И золотым венком на голове
Пылало в росах вымытое солнце.

И столько было радости в глазах!
Такой вперёд порыв неудержимый!
Не описать ни в прозе, ни в стихах:
Ни кисти, ни резцу недостижимо.
Куда, к кому, зачем спешила ты?
Осталось вечным для меня секретом.
Ах, почему на жизненном пути
Не встретились тогда мы на рассвете?!

Признание

| 33

Ты для меня,
Как ранние цветы,
Кукушками оброненные слёзы.
Такие синеглазые, как ты,
И в крапинках-веснушках от мороза.

И тропки,
Что ведут меня домой —
Твои ко мне протянутые руки,
И на душе моей царит покой,
Нет ни тревог,
Ни ложного испуга.

Свет и уют
В натопленной избе.
Всё сделаю с заботливой душою.
Как счастлив я,
Что в раненой судьбе
Я повстречался в юности с тобою!

34 | *На вечерней тропе*

Я вышел на тропинку поздно вечером.
Знать, заплутал, гоняясь за лисой.
Сугробы, как церковные подсвечники,
Курились, подожжённые пургой.
Куда идти? Где есть жильё поближе?
Откройся мне, тропинка, не мани.
Пусть не мои ты целовала лыжи,
И губы целовала не мои.
Но где-то есть в тайге мои дорожки.
И пусть не я, а кто-нибудь другой,
Метелицей застигнутый прохожий,
Свернёт на огонёк вечерний мой.
Там есть запас и топлива, и спичек,
Табак и снедь, и скромная постель.
И тропки наши, как на перекличке,
Аукнутся в стозвонную метель.
Дойду и я — я в это твёрдо верю —
Тропинкою до чьих-нибудь ворот.
Доверчиво мне распахнутся двери,
И, может, кто-то сердце распахнёт.

Где ты?

| 35

Где ты, радость моя синеглазая,
Белокрылая чайка моя?
Затерялась средь плёсов Хакасии,
В необъятных полях ковыля?
Или выюги холодного севера
Укачали тебя, как дитя?
Увлеклась и другому поверила,
И забыла совсем про меня.
Лезут звёзды в палатку лохматые,
Как замёрзшей дворняжки щенки.
В Эвенкии, тайгою богатой,
Сны твои, как снега, глубоки.
Может быть, шелест выюги за пологом
В сколыхнёт твою душу до дна...
И поплачешь, и вспомнишь, как дорого
За ошибки мы платим сполна.
А года всё проносятся мимо,
Не унять их упрямую прыть.
Как отрадно быть в жизни любимым
И как больно отвергнутым быть!

Когда беда
Меня свалила с ног,
Швырнув на бровку
Грязного кювета,
То многие забыли мой порог,
Как будто я совсем не жил на свете...
О чём-то совещались врачи,
Тихонько перешёптывались няни,
И вечера поблёкшие лучи
По мне скользили,
Как по изваянию.
Она едва взглянула на меня.
И дрогнула,
И покернели губы...
И понял я:
Мне умирать нельзя.
Какую верность
Смерть моя погубит!

* * *

| 37

Я без тебя,
Как лодка без весла.
Как дом без окон,
Как без ручки чайник.
Куда меня судьба бы занесла,
Если б тебя не встретил я случайно?

С тех пор я много исходил дорог.
Вершины брал и покорял быстрины.
Но переплыть твоих озёр не мог
И не хочу...
Плыту в безбрежной сини.
Ты для меня,
Как пальцы на руках,
Как губы обжигающая песня.
И если есть Всевышний в небесах,
То на земле ты
Всех чудес чудесней.

Похрустывая сладким сеном,
Зима, смакуя, ест стога,
От стужи пёс забрался в сени,
Дымятся инеем бока.

Кольцом свернувшись на соломе,
Просиявших не спускает глаз...
Всю ночь беляк с луной у дома
Танцует лихо перепляс.

Спросонок курица в повете,
Приняв за просо звездопад,
Кудахчет, вспоминая лето,
Пушистых жёлтеньких цыплят.

И я, любясь, как играет
Огонь в пылающей печи,
Тебя, родная, вспоминаю...
А ты опять,
Опять молчишь...

Ничейная лодка

| 39

Мы плыли вдвоём по Чулыму,
От полудня плыли к ночи.
На тонкой струне Паганини
Играли взахлёб дергачи.

Мы резали вёслами звёзды,
В осколки дробили луну,
И были не меряны вёрсты.
Волна догоняла волну...

Поблекли с рассветом созвездья,
Укрылась луна за горой.
Другого ты стала невестой,
И мужем я стал для другой.

Без лебедя плачет лебёдка,
Дергач не играет — скрипит.
Подстреленной чайкою лодка
Ничейной в осоке лежит.

40 | Свадьба в деревне

Жених в малиновой рубахе,
Как было раньше на Руси.
Узорный пояс — гордость пряхи
С бубенчиками для красы.

Навыпуск, с лоском, шаровары.
Гармошкой, с блеском, сапоги.
Гуторят бабы:
— Славный парень!
— Что надо! — вторят мужики.

Красою люд наш не обижен.
Невеста жениху подстать.
Плечом к возлюбленному ближе,
И губы маками горят.
Кричит застолье: «Горько! Горько!»
Кому-то, правда, не венец.
Сидит, нахмурившись, Егорка,
Сосёт солёный огурец.

Ему в застолье мало места.
Смычками скрипки сердце рвут.
Его любовь,
Его невесту
Другому в жёны отдают.

С присвистом сват по кругу ловко
Ведёт полсвадьбы за собой.
А сваху тискает в кладовке
Кузнец с кудлатой бородой.

— Что ты ломаешься, Наташа?
На этом держится весь род.
Что ухватил, то в жизни наше!
— Целуй же крепче, рыжий чёрт!
— Как сладко!
— Горько! Горько! Горько!
Трясётся в пляске борода.
Бредёт по улице Егорка.
Бредёт, не знает сам, куда.

Звенит гармонь, свистят свирели.
Поёт и пляшет всё село.
Кого-то обожгли метели,
Кого-то жаром обожгло.

Пишу тебе,
А сам вперёд уверен—
Письма я не отправлю никогда.
Здесь нет годами санного следа,
И в чащах тропы
Топчут только звери.
Но ты меня услышишь—
Знаю я.
Шестое чувство нас не подводило.
Прислушайся:
Вот песня глухаря,
А это рысь
Котят на ток водила.
И без тебя
Я здесь не одинок:
Трубят зарю
Под окнами олени,
И медвежата
Пьют весенний сок,
Как дети, косолапя,
Лезут в сени.
Они напоминают мне внучат.
Так и обнял бы,
Да сердита мама.

Но ты не бойся за меня:

| 43

Я рад

По-братьски жить

С косматыми друзьями.

Они не загородят мне пути

И не нарушат мирного зимовья.

Как талисман, меня спасаешь ты

Свою нежной, преданной любовью

* * *

Уходят дни.

Всё гуще сеть морщин.

Тускнеет взгляд твоих очей чудесных.

Но я хочу среди родных осин

С тобой делить, как прежде, боль и песни,

С тобою в поле собирать цветы

И ожидать свиданий до рассвета,

И страстно целовать твои следы

В густой траве, как весточки привета.

И обнимать, как в юные годы,

В забвенье задыхаясь в русых прядках.

И, не оглядываясь в никуда,

Тебе одной отдать всё без оглядки.

Октябрь

Откипели страсти,
Как опавшие листья,
Никого не волнуют,
Никого не зовут.
Даже нежной рябины
Пунцовые кисти
Прежних чувств ни в тебе,
Ни во мне не зажгут.
Продувает октябрь
Поредевшие просеки,
Щедро стелет под ноги
Золотые ковры.
И признаться пора:
С уходящую осенью
Догорают и наши
С тобою костры.
Жизнь течёт, как река,
Ей назад нет возврата.
То бунтует по поймам,
То оденется льдом...
Так и все мы,
Подобно судьбе листопада,
В наречённое время
Из жизни уйдём.

А пока наливаются
Соком рябины,
Тянет ниточку
Бабьего лета паук.
Я моим поцелуем
Разглажу морщины
И согреюсь теплом
Твоих ласковых рук.

* * *

Любовь — она судьбой даётся,
И обвинять её не мне.
Через края счастливцам льётся,
А неудачникам — на дне.
Один горит в объятьях ласки,
Другой пронизан холодком.
И день за днём теряя в скачках,
Летим, кто в дровнях,
Кто верхом.
И я, целуя светлый локон,
Хмелею, словно от вина.
Горю, пронизан чудо-током,
Налит... и выплеснут до дна.

Не поют на деревне гармошки,
 Не тревожат всю ночь напролёт.
 Замело выногой стёжки-дорожки,
 громоздится сугроб у ворот.

В мутном небе ни звёзд и ни месяца,
 Цепенеет во мгле тишина,
 Как же, милая, нам с тобой встретиться?
 Ни тебе и ни мне не до сна.

Нам не надо ни звёзд и ни месяца,
 Даже если б он вовсе погас.
 Поутру краса-зорька засветится
 И дорожки расстелет для нас.

* * *

Гляжу на венчик первого цветка:
 Какой неподражаемый и нежный!
 В меня вливается надежда.
 И до каёмок хрупких лепестков
 Синят едва заметные прожилки.
 Вот так в сердцах
 Живёт у нас любовь,
 Что мы, храня,
 Друг другу не открыли.

Мы опять сегодня порознь.
Порознь днём
И ночью врозь.
Не ласкает милый голос,
Не ласкаю милых кос.
Между нами снова поле,
Ночь темна,
Темны снега.
И у каждого свой полюс
И крутые берега.
И сыпуч песок по пояс,
И метровой толщи лёд.
И ни сна нет, ни покоя,
Сердце стонет,
Душу рвёт.

Весна в разгаре

Весна в разгаре.
Всё в цветенье.
У всех сегодня уйма дел:
Кто охмелел от новоселья,
А кто от свадеб охмелел.

Проводи меня в дорогу,
 Когда зорька заалеет,
 В путь таёжный, путь далёкий,
 Где вершины гор синеют.

У меня на сердце выюга:
 Что-то ты совсем другая?
 Не пожмёшь, прощаясь, руку,
 Не обнимешь, провожая.

Я уйду опять к медведям,
 Соболей ловить Алтая.
 Я охотник,
 Я по следу
 Счастье в жизни добываю.

Будет промах —
 Ты виною.
 Улыбнёшься — будет соболь,
 Будет тёплое зимовье,
 Будут мягкие сугробы.

Я вернусь —
 Встряхну мехами,
 Расстелю медвежьи шкуры.
 Запоют для нас баяны,
 Зазвенят для нас топшурьи.

Ты молчишь.
Молчишь, ни слова...
Щёки зорькою алеют.
Я охотник.
Мне не ново —
Счастье я тропить умею.

| 49

* * *

Заласкаю, зацелую,
В сад тенистый унесу.
Я волшебную такую
Встретил в первый раз красу.
Косы — светлые, как вербы.
А лицо — черёмух цвет.
И другой такой, поверьте,
В мире не было и нет.
Стан берёзки,
Брови — крылья,
А глаза — как синь-Байкал.
Никого так не любил я,
Никого так не ласкал.
Распахнись травой духмяной,
Тенью шёлковой накрай!
Я с тобой от счастья пьяный,
Я от ласки пьян тобой.

Прошва синяя,
 Прошва жёлтая.
 Листья — звёздами по тропе.
 Снова грусть тая,
 Плачет боль моя.
 Ночью думаю о тебе.

Где ты?
 Где сейчас?
 Что ты делаешь?
 С кем встречаешь день?
 С кем проводишь ночь?
 День до вечера — стёжки белые,
 Стёжки чёрные — сутки прочь.

В чьи глядишь глаза?
 Чьи ты губы пьёшь?
 И на чьё плечо клонишь голову?
 И о ком грустишь?
 И кого ты ждёшь,
 Делишь радости,
 Слёзы поровну?

Не узнаешь ты,
 Никому не знать,
 Как тоскую я о тебе.
 Прошва синяя
 Прошва жёлтая,
 Листья — звёздами по тропе.

Лета бабьего дни короткие
Паутинками отблестят,
И плывёт в закат рыжей лодкою
Наш — и мой и твой — листопад.

* * *

Плёс.
Ни лодок и ни вёсел.
Жду утиный перелёт.
Сколько здесь проплыло вёсен,
И, конечно, проплывёт!

С заказною,
Подсадною
Я пробрался в эту топь.
Не успел присесть — стрелою
Прямо с ходу, рядом — хлоп!

Разлетелась
С треском в брызги
Ночи трепетная тень.
Ходит рядом сизый-сизый,
Ходит кругом селезень...

Рассветает.
Утро скоро.
Ах, какая это глушь!
Пляшут зори по озёрам.
Топчут селезни крякуш.

52 | *Паруса любви*

Ты пела всем,
Не только для меня,
Ничьим не растревожена участьем.
И мне казалось: майская ладья
Несёт меня к тебе по гребням счастья.

Звенело сердце парусом любви,
Наперебой борта ласкали волны.
И ты манила: «Любишь, так лови!»
И, как русалка, исчезала в полдень.

Замолкла песня.
Сникли паруса.
Ладья уткнулась килем в жёлтый берег.
Доносит ветер чьи-то голоса,
Но ты молчишь.
А я тебе так верю!

* * *

На зорьке по травушкам-росам,
Промокший, хоть выжми, насквозь,
Дотопал к родному покосу
Озябший, счастливый до слёз.

Поправил отцовскую косу.
Раздвинулись плечи: «А ну!»
И с песней пошёл по прокосу
Навстречу глазастому дню.

* * *

Не упрекай!
Я виноват,
Что в жизни был небережливым.
Умел не брать,
А отдавать—
И всё же быть других счастливей.

Живу, не пряча про запас
Я чувств своих в горячих схватках.
Спешу к тебе я в ранний час,
Росою обжигая пятки.

Склоняюсь к каждому жарку
И режу руки резедою.
И остаюсь опять в долгу,
В долгу бессрочном пред тобою.

* * *

Снова солнце скрылось за горою,
Молча тонут в речке облака.
И звенит натянутой струною
О подойник струйка молока.

На пруду пролётный гусь гогочет,
Ойкнула гармошка во садах...
И пульсирует дыханье ночи
Дрожью у влюблённых на губах.

Я думаю о вас,
 Когда стреляют почки
 И рощи будит звонкое «ку-ку».
 Я думаю о вас
 И днём, и тёмной ночью —
 Ведь я о вас не думать не могу.
 Я думаю о вас,
 Когда, созрев, бутоны
 К рассвету распускают лепестки,
 Когда уста сливаются влюблённых,
 И вашей я в мечтах коснусь руки.

* * *

Ты в жизни для меня — как огонёк,
 Как звёздочка
 На полуночном небе.
 И я, избитых не жалея ног,
 Спешу к тебе...
 В душе — любовь и трепет.
 Бегу, взрывая
 Нежной песней тишину.
 А огонёк,
 Как льдинка, тает, тает...
 Вот так всегда:
 К чему быстрей спешим,
 То от тебя быстрее исчезает.

После стужи — тепло какое!
После выюги — какая высь!
Будто золото разливное
Льётся на землю — берегись!
Я не в шутку боюсь: растает
До фундамента старый дом...
А в полях — перелётных стаи,
И в лесу дотемна содом.
Нынче всё и сильней, и выше,
Нынче каждый — артист, певец,
Нынче время цветов и вишен,
И — открытых сердец.

Солнцем залита пойма,
Распахнулась река.
Кувыркаются в волнах,
Как ленки, облака.
Чайки снова базарят
На песчаной мели.
Бьют побудку гагары,
В небесах журавли.
И в разливах погрузли
До ушей тростники,
И трясут трясогузки,
Как сердца, поплавки

Что стряслось?
И что со мною стало?
Не могу поверить сам себе.
С плеч, как пыль годов,
Стряхнул усталость,
Встретив незнакомку на тропе.
А она всего лишь улыбнулась
Солнцу пучеглазому, весне,
но в душе всё вдруг перевернулось,
Улыбнулось счастье, верю, мне.
С той поры ночей не досыпаю.
Да и днём как будто не в себе:
Как влюблённый юноша, мечтаю
Встретить незнакомку на тропе.

* * *

Я тобой через край переполнен.
Ты со мною и ночью, и днём.
Так вот к берегу катятся волны
И ласкается колос дождём.

И заря обнимается с долом,
И в бокалах гуляет вино.
Я — зерно твоё,
Ты — моё поле.
Вместе нивой нам стать суждено.

Я часто думаю о вас.
А вы, наверное, забыли
И блеск моих влюблённых глаз,
И кудри, что вы так любили?
Судьба разъединила нас.
Травой тропинки застелило.
Я часто думаю о вас...
А вы меня не позабыли?

Вечерние стихи

Ты входишь в жизнь.
Я ухожу из жизни.
Ты разжигаешь —
Тухнет мой костёр.
Углей последних
Тающие искры
Не озарят
Чернеющий простор.
Твои созвездья
Светятся на небе.
Мои — венками памяти
Легли...
В притихших рощах
Замирает трепет,
И клоняют росы
Травы до земли.

Ворованной не надо мне любви,
 Ведь я не вор.
 Моя душа открыта.
 Я не хочу таиться и кривить.
 А ты так смотришь на меня сердито.
 А ты не знаешь,
 Как за всех одна
 Мне заменила целый мир тревожный.
 Как в листопад,
 Пришла ко мне весна,
 И распахнулись лета все дорожки.
 И в сентябре
 Горят костром цветы,
 И вспыхивают звёздочки под снегом...
 Как счастлив я,
 Что есть на свете ты
 С открытym, добрым сердцем человека!

* * *

Если ты не рыдал
 Над чужою бедой
 И от счастья не плакал
 При встрече с любимой,
 Значит, дни твои
 Прошли стороной,
 Значит, жизнь прокатилась мимо.

Всё тише, тише...
Замирает эхо
Вечернего дуплета в тростнике.
И будто ночи
Расставляя вехи,
Плыёт рыбак
На утлом членоке.
Куда его
В такую темень гонит?
Ведь рыбарю и ночью не до сна.
А в тёмных волнах тонет и не тонет,
И бьётся в сетке рыбицей луна.

Дайте верности руку

Снова белая выюга
Опалила глаза.
Дайте верности руку —
Жить без дружбы нельзя.
Даже сильному в замять
Одному не пройти.
Дайте руку — мне с вами
По пути, по пути.
Берегите друг друга.
Не стыдитесь любви.
Дайте верности руку,
Будьте счастливы вы.

вальс

Кружится лист
 И ложится под ноги ковром.
 Кружится лист
 И о чём-то далёком, родном
 Шепчет и шепчет
 Волшебные сказки весны.
 Снова с тобою,
 Как в юности, мы влюблены.

Кружится лист,
 Пожелтевший, как письма солдат.
 Тех, что давно,
 Прорастая травою, лежат.
 Кружится лист.
 И ложится под ноги, шурша,
 Память, как раны,
 до боли опять вороша.

Кружится лист.
 И, как в юности, кружимся мы,
 Тайно грустим
 У порога капризной зимы.
 Кружит, несёт
 И качает чарующий вальс,
 Жизнью написанный
 Нами дня нас.

Бабьего лета короткие дни.
 Снова с тобою,
 Как в юности, мы влюблены.

Ах, сказки, сказки!
Сколько веры!
Забавы, детские мечты...
И я хотел на сером звере
Царевну в жёны увезти.
Я исходил поля и колки,
Бродил тайгою без дорог.
Искал я всюду друга-волка,
Но до сих пор найти не мог.

Ах, сказки, сказки!
Сколько веры!
Я не хочу вас огорчить,
Но зверь — он остаётся зверем,
И другом он не может быть.
Но детство есть,
И сказки тоже —
Без сказок скучно детям жить.
Пускай не я — другой, быть может,
Сумеет волка приручить.
Ему оставлю я царевну.
Мне хватит девушек вполне.
Не в тереме —
У нас в деревне,
В родной сибирской стороне.
Мне с ними в жизнь идти попутно
И ошибаться, и любить.
Я знаю: сказкам верить трудно,
Но и без сказок скучно жить.

Бабы веники вязали
 И взахлеб судачили:
 — Гляньте, Ольга в новой шали!
 Что бы это значило?

Хороша краса-обнова.
 Шаль — на диво! Шаль пухова.
 Кисти веером — вразлёт...
 По селу молва идёт.

Мчится чалый чистым полем.
 Шёлком стелется трава.
 От любви пьянеет Оля,
 Поцелуи минут слова...

Откипело бабье лето,
 Отшумели веники,
 Не на Оле, а на Свете
 Мишка-хахаль женится.

Мчится чалый, словно ветер,
 Зарябила синева.
 От любви пьянеет Света,
 Поцелуи минут слова.

Хороша краса-обнова.
 Шаль — на диво! Шаль пухова.
 Кисти веером — вразлёт.
 По селу молва идёт.

Ах, веники, веники!
 Женихи-изменники!

То же поле и речка,
И за полем лесок.
Сквозь туман, словно свечка,
Чуть блестит огонёк.
Кем зажжён он?
Не знаю.
Кто сидит у окна?
Сына мать ожидает,
Или мужа — жена?
Или кто-нибудь с тостом
Поднял чашу с вином?
Я непрошенным гостем
Постучал в этот дом.
Растревожил дворняжек,
И хозяин хмельной
Заворчал: «Кто бродяжит?
Заходи, будешь свой».
Я согрет и обласкан
Незнакомым теплом.
В новогоднюю сказку
Верю, право, с трудом.
Сомневаюсь и верю:
Есть добро на земле.
Серебрится Венера,
Светит Марс в зимней мгле.
И любви, и надежды,
И мечты, и тоски
Светят в мире заснеженном
Огоньки, огоньки...

2. Зов родимой земли

Встреча со сказкой

| 67

Тайга урманная, глухая.
Играет осень в бубенцы.
Зарю ноздрями раздувая,
Идёт марал на солонцы.
Идёт,
И каждый след подковкой
Горит на гребне медных скал.
Остановись!
Не тронь винтовку —
Такой красы я не видал.
Дугою-радугою шея,
И ноги — струны...
А рога!
Такой короны и в музеях
Не отыскать наверняка.
Играет каждая шерстинка,
С хвоей сливаюсь, как одна.
Ни-ни!
Не зашуршит травинка...
И цепнеет тишина.
Пришёл.
И долго, долго, долго
Ловил ушами каждый звук.
Вот квохчет в зарослях тетёрка,
Вот зашуршал листвой паук.
А это?..
Что-то непонятно...
Махнув точёной головой,
Умчался зверь в тайгу обратно,
Сверкнув короной золотой.

Здесь был наш дом,
 Верней, изба,
 Верней, избушка на куриных ножках.
 А на полатях голых — голытьба,
 И на столе ни хлеба, ни картошки.
 А под окном большой рябины куст
 Горел костром, метелицей повитый,
 И слышал я усталых веток хруст:
 «Берите, дети, ягоду, берите».
 И гроздья раскалённые зимой
 Мы грызли, зубы детские ломая,
 И по ночам нам снился хлеб ржаной,
 И вдоволь — каша пшённая густая.
 Свистели спозаранку снегири,
 Стучали в окна бойкие синицы,
 И жизнь манила в дальние миры,
 И открывала белые страницы.
 Мы разлетелись рано — кто куда,
 Как глупые птенцы бросают гнёзда.
 И кто бы знал, какая высота,
 Кого какие ждут в дороге звёзды...
 Ах, детство, детство!
 Сколько раз к тебе
 Я возвращаюсь мысленно, усталый —
 К покинутой, завьюженной избе,
 Грызу рябины мёрзлые кораллы.
 И слышу я, как свищут снегири,
 Стучатся в окна бойкие синицы...
 И куст рябины, как костёр зари,
 Сжигает жизни прожитой страницы.

Был «город»
Не какой-нибудь — «Копай».
Барак к бараку жался по обрывам.
На чернозёмных крышах молочай
Щетинился с колючею крапивой.

Дымился «город»
В сотни чёрных труб,
Коптил нас, ребятишек, как селёдку,
Голодный город в глиняном яру,
В простонародье прозванный Слободкой.

Слободка на три метра под землёй
Жила, бранилась, пела и стонала
И, трижды обойдённая судьбой,
Упрямых бояков на свет рожала.

К чему скрывать —
Мы вышли из неё
В опорках, в латках,
Тощи, бледнолицы
И дрались за достоинство своё
И новый город строили кирпичный...

Давно в помине тех бараков нет,
Лишь в памяти людей живёт Слободка.
И вас, мои погодки детских лет,
Я узнаю, как прежде, по походке.

Мы в жизнь идём,
Где нет путей другим,
По-своему планету обновляя.
Сметаем старый,
Строим новый мир,
Мы — выходцы из города «Копая».

Говорят, когда-то на Чулыме—
Как я не поверю старикам?—
Рыбаки русалок, как любимых,
На реке встречали по утрам.
Не поверишь—затаят обиду:
«Вам ли знать... Бывали чудеса!
Гребешком, русалкою забытым,
Мы не раз чесали волоса...»
Не хочу я старикам перечить,
Не хочу я их разубеждать,
Лучше попытаться по заречью
Самому русалку отыскать.
Чем я хуже прадеда и деда?
Кудри—лён, не обделён красотой.
Так хотелось по речному следу
Встретиться с красавицей речной!
Мой челнок швыряли в пропасть волны.
По каким быстрым ни несло!
Падал обессиленный я в полдень—
На закате брался за весло.
В камышах, встречая утром зори,
Ждал: вот-вот покажется она,
Сказочная небыль, о которой,
Задыхаясь, бредит старина.
Ждал, глаза ночами не смыкая,
Ждал, в осоке затаясь, как выпь.
Месяц, надо мною насмехаясь,
Нельмою нырял в речную глыбу.
Ну вас к чёрту, дедовские сказки!

Слушай — и не то наговорят...

| 71

Повернулся. Не поверил сразу.

Замер. Ни вперёд и ни назад.

Шла она, задумчивая, тропкой

С девичьей грустинкою в глазах,

В старенькой, видавшей виды, робе,

До ресниц в рыбакских сапогах.

И прошла, прошла б, наверно, мимо,

Росами июльскими звения,

Русая чалдоночка с Чулымом,

Жданная русалочка моя.

Да была нетоптаная тропка

Уже нецелованной косы,

Да и я был парень не из робких,

Да к тому ж, наверное, красив.

Мы ушли из юности по травам,

От костра к костру, глотая дым.

Гребешком плотины величаво

Чешет кудри голубой Чулым.

Эта сказка с былью неделима —

Стала явью прародителей мечта.

Приезжайте в наше Причулымье,

В русские волшебные места.

Побродите у ночных заливов,

Проводите зори в тростники.

Может быть, вам тоже посчастливится

Повстречать русалку у реки?

И когда к вам подкрадётся старость,

Будете, как деды, утверждать:

Нам, мол, тоже гребешком русалок

Приходилось волосы чесать.

Она стояла здесь вот, у обрыва,
На самом бойком месте у реки,
Спустив лотки к воде нетерпеливой,
От жёрнова в вертящие круги,
А чуть левей, у заводи, в затишье,
Желтели деревянные мостки.
На них толклись до ночи ребятишки,
И в переплясах спорили вальки.
Сбивая с трав серебряные росы,
И я мальчишкой прибегал сюда.
И сразу нерешёных сто вопросов
Кружились, словно в омуте вода:
Зачем на нерест рыба бьёт к истокам
И гуси в тундру выюжную летят?
И мельника девчонка-недотрога
Зачем украдкой на меня бросает взгляд?..
А я сачком ловил нахиву с ряской,
И воспалялись юные мечты.
Я встречи ждал с русалками, как в сказке —
А повстречался с ведьмами в пути...
И вот я через много-много лет
Стою один у памятной запруды.
Здесь мельницы давным-давно уж нет
И жернова вода уже не крутит.
И нет мостков,
Нет шумной детворы.
Камыш полощет в заводи пелёнки...
А как мечтал я заглянуть в те дни
И повстречать влюблённую девчонку!

На охоте

| 73

По трясинам
И по кочкам,
Где наброды куликов,
Я глухой пробрался ночью
В царство леших и волков.
Камышовые заслоны —
Не просунешь и руки,
Что ни шаг — в куте сплетённой.
Как осколки, озерки
С фиолетовым настоем,
Как у филина глаза.
Оступись — и с головою
Заплётёт вас рогоза...
Кто-то шлёпает под боком,
Кто-то ухает баском.
И не верующий в бога
Осенит себя крестом.
Вдруг негаданно-незданно,
Где аир и купыри,
Из лохматого тумана
Просочился свет зари.
Брызнул розовым накрапом
И волшебною рукой
С головы до ног окапал
Серебристою росой.
Заиграли в красках степи,
Загустела синью высь.
И в одно — земля и небо
В лентах-радугах сплелись...

Меня природа очень обделила,
Не вышел я ни ростом, ни в плечах.
И мать не раз с досадой говорила:
«Другие вон растут, как на дрожжах.
А ты один в кого и уродился?
У нас в роду, как сосны, мужики».
И я ходить на цыпочках учился,
И под рубахой прятал синяки.
В одном меня судьба не обделила —
До жизни цепким я и жадным был.
Другие мёрли с голоду — я выжил,
Четыре раны-смерти пережил.
Окопы рыл, тянул натужно кабель,
Вёл за собой бригаду косарей,
И пот росой солёной наземь падал,
И пламенели гроздья мозолей.
А по ночам, когда все крепко спали
И во хмелью ругались мужики,
Меня с постели что-то поднимало:
Забившись в угол, я писал стихи.
И, спотыкаясь, снова падал в ямы,
И морщились товарищи в очках.
Я вспоминал слова покойной мамы:
«Другие вон растут, как на дрожжах».
Но и тогда не гасла к песням жажда...
Что ростом мал, я больше не тужу.
Страшусь лишь, что ударит гром однажды,
И книги я своей не допишу.

Здесь ветры, как струны,
И ливни, как бивни,
И волны, как дюны—
Лавина к лавине.
Ревут, как медведи,
Бросаясь на скалы,
Но спущены сети—
Путины начало.
И мы на моторке
Волну метеорим,
Водитель Егорка
И с чёртом поспорит.
Луну заарканил,
Смеётся, каналья:
«В подарок сельчанам,
На свадьбу Наталье.
Дивчина что надо!
Была бы путина...»
И хлещут каскады
На мокрые спины...
От рыбы огрузли
Тяжёлые снасти.
Егорка безусый
Смеётся от счастья.
И ветры, как струны,
Поют с перезвоном:
«Со свадьбою, лунник,
Счастливым уловом!»

Куда бы я ни укатил из дома,
 Какой бы ни увлёк меня порыв,
 Я слышу зов серебряных черёмух,
 Многоголосье златокудрых ив.

Залётный ветер шепчет мне на ухо,
 И слышу я отцовские слова:
 «Взгляни, сынок, каким лебяжьим пухом
 Усыпали заречье тополя!

Когда-то прутьями мы их сажали сами,
 А нынче, погляди, стоят стеной».
 И вижу я:
 Обняв зарю ветвями,
 Спешат сады и рощицы за мной.

И вслед за ними, спотыкаясь в кочках,
 Роняя бусы в кузовá озёр,
 Смородина осыпала листочки —
 Пылающий узорами ковёр.

О, Родина!
 Великое наследство!
 Зачем за морем сырый рай искать?
 Корнями в землю мы врастаем с детства,
 На ней расти, цветти и умирать.

Замлеет тело сладкою истомой,
 Захватит сердце песенный порыв
 Под звон благоухающих черёмух
 И многоголосье златокудрых ив.

И рухнула на плечи тишина,
Плеснув в лицо прохладою осенней,
Как будто здесь окончилась война —
Последнее нелёгкое сраженье.

Комбайнер, пропылённый до костей,
От радости сказать не может слова.
И, бросив взгляд на седину полей,
Мнёт в пальцах золотистую полову.
Ещё одна закончена страда.

Которая?

Давно им счёт потерян.

Шумят года.

Метелицы года.

И вновь зима стучится в наши двери.
Не приставай с расспросом, репортёр,
Дай надышаться свежестью, покоем.
К чему сейчас вести здесь разговор?
Сегодня все заслуженно герои.

Скрестились руки — силой не разжать.
Блестят глаза — и, право, именины!
Ну как здесь чарку горькой не поднять,
Как повелось обычаем старинным!

Аукнула гармошка — и пошло...

Скрипит кирза,
Чеканят дробь ботинки,
И пляшет степь,
И пляшет всё село —
Земля и люди празднуют отжинки.

Засыпает зимним сном берёза.
 Тишина. Кругом белым-бело.
 Не сберечь тебя мне от мороза,
 Не вернуть июльское тепло.
 Я б отдал тебе свою рубашку,
 И пальто,
 И тёплые пимы.
 Только ты привыкла — нараспашку,
 Жить не на задворках у зимы.
 И когда ветра лохматят тучи,
 И мороз пытается сковать,
 Ты стоишь по грудь в снегу колючем,
 Как седая одиночка-мать...

Вечер в зимовье

Догорают в печи головешки.
 На столе оплывает свеча.
 И лохматою лапой в окошке
 Вьюга бьётся, скуля и рыча.

 Как от стаи отставшая птица,
 Крыша хлопает, силясь взлететь.
 У двери кто-то фыркает, злится —
 Знать, пожаловал в гости медведь.

 А у столика белою свечкой,
 Тянет лапки ко мне горностай.
 Так вот с ним коротаю я вечер,
 Попивая с брусникою чай.

Крутоярские зори

| 79

Ветер высек искры из сугробов,
Заклубился белый-белый дым.
Месяц — жеребёнок крутолобый —
Поскакал по крышам голубым.
Загудели звонкие антенны,
Загребая пальцами эфир.
И в обнимку с Шукшиным Есенин
Входит в наш разноголосый мир.
Мир дерзаний, диспутов и танцев...
Всё так близко.
Всё так вдалеке...
А у клуба пареньки-«афганцы»
Под баян поют о Ермаке.

* * *

Пашем землю, травы косим,
Потемну домой идём.
— Как живётся? —
Встречный спросит.
— Лучше некуда живём:
Всё, как встарь, недосыпаем,
Всё торопимся, спешим,
Ушедших лет не замечаем —
Завещаем жить другим...
А спроси у нас любого:
Кто жил только для себя?
Не отыщете такого...
Чем не славная судьба!

Цветами радуги играя,
 Засыпав щедро всё кругом,
 Роса осенняя, густая
 Горит на солнце серебром,
 А я росиночку — в ладони,
 Языком её — с травы...
 И сердце плачет,
 Сердце стонет
 И цепнеет от любви.
 И холодок бежит по телу,
 И обжигает вдруг огнём...
 Нам этот мир сберечь сумели,
 И мы для внуков сбережём.

* * *

Опять меня волнует осень.
 Опять зовёт меня тайга
 За перевал, туда, где лоси
 Ломают в ревности рога.
 И притаившись в кедраче,
 Любуюсь поединком страсти,
 Весенней битвой рогачей,
 Ведущих правый бой за счастье.
 Украдкой рыжая заря
 Ко мне заглянет в угол райский...
 Любовь скупого сентября
 Азартней
 И хмельнее майской.

Я взор свой обращаю к журавлям.
Подставив ветру крылья нараспашку,
Они летят, летят в Россию, к нам,
И будят ото сна леса и пашни.
О, как же долг был их путь домой!
Какие мимо пролетели стрелы!
Не от добра сверкает сединой
Вожак-журавль, как лунь болотный, белый.
Не отпугни их выстрелом шальным,
Дай тишины напиться и покоя.
Спешит к гнездовьям журавлиный клин,
Как мы домой спешили после боя.

Я помню детство.
В пламени зари,
Ватагой дружной облепив рябину,
На каждой ветке зрели снегири,
И пересвист звенел по всей долине.
И вот опять, дыханье затая,
Стую в снегу я, от волненья бледный.
Зря обещал я детям снегиря —
Ведь он в округе,
Может быть, последний.
А на стогах толпится воронье,
Черным-черно,
Черным-черно!

Кукушкин лён
 Да красный клевер.
 За поворотом, у реки,
 Зелёной озими посевы,
 И колки — будто островки.
 У речки — ребятни орава
 Красней озёрных карасей,
 И на хмелеющей отаве
 Табун невзнузданных коней,
 И на мели базары чаек,
 Призывный оклик журавля...
 Другой я родины не знаю —
 Здесь жизнь
 И песнь,
 И боль моя.

* * *

Сверну под голову закат,
 Накроюсь звёздной плащ-палаткой,
 И засыпаю, как солдат,
 Усталый после жаркой схватки.
 И спеют звёзды на стерне,
 И на губах,
 И на ресницах,
 И снятся до рассвета мне
 Разливы жёлтые пшеницы.

Уже в степи снежинки не найдёшь.
Пожухлый лист иглой прошила зелень.
На озере до полночи галдёж —
Справляют чайки снова новоселье.
Хлопочут у причала рыбаки,
Ныряют утки в зелени залива.
Горят костры,
Мигают огоньки
На берегах,
На опалённых жнивах.
И в шелесте играющей волны,
И в шёпоте проснувшихся деревцев...
Я чувствую высокий пульс весны,
Сверяя с пульсом собственного сердца.

Весенний полдень.
На земле трезвон.
И нет покоя ни зверям, ни птицам.
И я опять как заново рождён,
И мне опять, как в юности, не спится.
Тропинки шнур петляет подо мной,
И тянет руки тополь мне навстречу.
И кажется, вращаясь, шар земной
Наметил путь к утру, минуя вечер...

В разгар посевной перекуры недолги.
Присядешь в кружок, не сходя с борозды,
В карманах от пота намокла махорка
И спички...

Прикуривай хоть от звезды.
Да нам ли тужить! Хлебороба привычка:
Махорку щепоткой насыплем в ладонь,
Потрёшь в волосах отсыревшую спичку
И вот на ветру уже бьётся огонь.

А в сон так и клонит,
Вздремнуть полчаса бы,
Прижаться к земле запылённым лицом...

Но вдруг где-то в поле, как по заказу,
Вздохнула гармошка, запела баском,
Рассыпала дробь по притихшим пригоркам,
Вприсядку прошлась по колючей стерне.

И сразу приятнее стала махорка,
Как прежде бывало не раз на войне.
С такими друзьями дремать не придётся,
За шуткой и песней не лезут в карман.

Такое расскажут, что месяц смеётся,
Такое споют, что не спеть соловьям...
И снова гудят над раздольем машины,
Ложится рядком к борозде борозда,
И падают звёзды в ладони долины,
Как корочки сдобного хлеба, хрустя.

По полям, по лугам, по заречью,
Где сверкает серебряный плёс,
Я пронёс свои звонкие песни,
И мечты, и надежды пронёс.
То с косой,
То с веслом,
То с двустволкой,
Где и леший ногой не ступал,
Я кострами грел зябкие рёлки
И на зорьке русалок ласкал.
А осенней порой перелётной,
Притаившись в седых камышах,
Озирал я такие полотна,
Что от счастья рыдала душа.
Ночевал в шалашах и под лодкой,
Рад порой был промокшой копне,
И сегодня на зорьках лебёдки
Не на шутку грустят обо мне.
Да подрезала боль мои крылья,
Всё труднее ходить по земле.
Как подранок, забившись в бессилье,
Я стенаю и плачу во сне.
А над плёсами вьются туманы
И шумит перелётная рать.
И кричу я взахлёб: «До свиданья!»
Не хочу вам «прощайте» сказать.

Я помню деревню на взгорке:
 Манящий трезвон бубенцов,
 Веселье и смех на вечёрках—
 Праородину наших отцов.

Деревня, родная деревня,
 Верни меня в прошлые дни!..
 Молчат, как чужие, деревья,
 Чернеют пожухлые пни.

Дом в памяти— полная чаша.
 Листвяжные крепи— оплот.
 Забытое прошлое наше,
 Где каждый, как хочет, живёт.

И церковь в мозаике древней
 Казалась всем ближе родни.
 Деревня, родная деревня,
 Верни меня в прошлые дни!..

Напрасно зову я былое,
 Деревни давно уже нет.
 Отравлен дурманом-травою,
 Мечусь я, бездомный поэт.

Бреду наугад меж деревьев.
 В крапиве теряется след.
 Деревня, родная деревня!—
 Зову...
 Только эхо в ответ.

Куда летишь, моя Россия?

| 87

Летят в закат со стоном птицы,
Летят в неведомую даль.
И не сомкнуть всю ночь ресницы,
И не унять в груди печаль.
От гнёзд родных в края чужие
Что манит вас?
Что вас зовёт?..
И, кажется мне, вся Россия
За вами ринулась в полёт.
Обняли небо крылья-крыши,
Летят дома, летят поля
Всё выше, выше, выше, выше...
А как же я?
А как же я?
Мне не сомкнуть уже ресницы,
Не угасить в душе печаль.
Где ты, родная, приземлишься?
Какую ты обнимешь даль?
Что ждёт тебя за тем закатом?
Что на восходе ждёт тебя?
Каким дождём, а, может, градом
Ударит в грудь твою судьба?..
Закатный луч в глазах дробится,
Плыёт, качается земля.
Летит, летит Россия-птица,
А как же я?
А как же я?

Лишь метель уляжется
На сугробы белые,
С песнями лебяжьими,
С первыми капелями,
С небом, опрокинутым
В плёсы серебристые,
Предо мной раскинется
Сторона чулымская.
Выплывает из марева
Розовая, нежная,
С семицветным заревом,
С трепетным подснежником.
Здравствуй, здравствуй, вольница
С необжитым городом!
За обиды, горести
Не гляди так холодно.
Обними, согрей меня
Материнской ласкою.
Искорёжены войной,
Шли дорогой тряскою.
И ночами долгими,
В сумраки метельные
Оставались гордыми,
Оставались верными
Тополям подстриженным,
Семиречью с вербами.
Как мы жили-выжили,
Знать тебе лишь ведомо.

Здравствуй, здравствуй, вольница
С молодыми сёлами,
С шумною околицей,
С необжитым городом.
Здесь ухой тайменною
И бетоном-известью
Пахнут ночи вешние
И рассветы мглистые.
Не из сказки розовой —
Ураганом крученный,
С верностью сыновнею
Я пришёл к излучинам.
Обними, согрей меня
Лаской материнскою,
Золотая сторона,
Сторона чулымская.

* * *

Седой камыш и серый камень,
Базары чаек на мели.
И степь волнистая, как знамя,
С горящей звёздочкой вдали.
И перепёлок позывные,
И хриплый скрип коростеля.
Всего лишь капелька России,
Но это — Родина моя.

Она ушла, не вымолвив ни слова,
 Не потревожив старых половиц,
 Лишь на листке тетрадном, в изголовье,
 Как раненых на перелёте птиц,
 Оставила две строчки многоточий.
 И мучаясь над ними, я сижу,
 Пытаюсь тайный смысл понять их днём и ночью,
 Но нужных слов никак не нахожу.

Раненая птица

В остекленевшем камыше
 Рыдает раненая птица.
 А лёд всё толще на реке,
 И серым вихрем снег кружится.
 Давно уж нет её подруг,
 Одни под выстрелами пали,
 Другие стаями на юг
 Умчались в пасмурные дали.
 А ей, подрезанной свинцом.
 Судьба другой конец готовит...
 И бьётся раненным крылом
 Она, теряя капли крови.
 А лёд всё толще на реке,
 Под снегом спрятались старицы.
 Рыдает птица в тростнике,
 Рыдает раненая птица.

Притихший лес.
Какой красивый!
Какой красивый и... пустой!
Не свистнет рябчик в стылой иве.
Косач не выпорхнет шальной.
Как заколоченные дачи,
Деревья в дрёме и снегу.
И я напрасно жду удачи,
Как будто в ступе снег толку,
Ни лунок птиц,
Ни зверя следа...
Встают сугробы предо мной.
Ау-у-у!
И эхо мне ответом!..
А лес-то, лес—
совсем седой!

* * *

Какими чудными снегами
Зима окутала поля!
И пахнет сдобными хлебами
Вся причулымская земля.
В нарядном белом одеянье
Луга, деревья и дома—
Как будто вышла на свиданье
Зима морозная сама.

Оглушена раскатом грома
Деревня тихая моя.
Бегут гурьбой мальчишки к дому
По лужам тёплого дождя.
А вслед им туча мечет стрелы,
Ломает копья сгоряча.
Ах, непоседы!
Ах, пострелы!
Вот как ожгу сейчас сплеча!
А детворе — одна забава.
Какой хороший тёплый дождь!
Как высоко поднялись травы,
И распустила косы рожь!
И по тропинкам,
По дорогам,
Ещё азартней, чем мальцы,
Несутся шустрые потоки
Неугомонны, как скворцы...
Пройдут года,
И где бы ни был
Мой возмужавший мальчуган,
Не раз ты вспомнишь это небо
И тучи огненный колчан.
И этот шумный тёплый дождик,
Что всех прошил насквозь до пят.
Воспоминанья и надежды
Опять в тебе заговорят.

А может, по-иному
И принимаем,
И живём?
Но не забыть тропинки к дому,
Где пробегали босиком,
Шершавый тополь у порога,
Что мокрым льнул к тебе плечом,
И эти радуги-дороги,
Что гордо Родиной зовём.

Ночлег охотника

Конец нелёгкому скитанью.
Мы для костра готовим сухостой.
А за спиной, в настое иван-чая
Краснит луна, как чайник золотой.

Седые сосны простирают лапы,
Кольцо сжимая, трутся у костра.
И падают, ныряют в пламя капли,
К огню склонившись: плавится заря.

Лопочет где-то ручеёк под боком,
Ему и в стужу не до сна.
И пахнет чай
Хмельным брусничным соком,
И соболями пахнет тишина.

94 | Судьба моя

Судьба моя — родная деревенька
С прокуренными избами насквозь.
Здесь каждая тропинка и ступенька —
Родные и любимые до слёз.

Плечом к плечу — дворы и огороды,
Окно в окно — друг в друга влюблены.
И петухи с коньков летят к восходу,
Как символы далёкой старины.

И тут, и там попыхивают трубы,
Пекут землячки русские блины.
И, как невесты, подставляют губы
Черёмухи — красавицы весны.

Здесь вместе все
И в радости, и в горе.
И в разных судьбах
Есть одна судьба...
Чуть тронет снег —
В полях встречаем зори,
А осенью — до ночи молотьба.

С утра платки белеют на покосах,
Как на вершинах снежные белки.
И ветер песни по лугу разносит,
И радуются лету старики.

Уставший, в полдень сядешь у зарода;
С устатку выпьешь кружку молока,
И — будто трудной не было работы,
И посветлели думы мужика.

| 95

А на пригорке — рожь стеной упругой,
Ячмень червонным золотом налит.
Страда к страде протягивает руки,
Судьба к судьбе тропиночку торит.

Так и живём — не броско и не звонко,
Ветрами продублённые насквозь.
Судьба моя — сибирская сторонка,
Родная и любимая до слёз.

* * *

Тóпи, тóпи.
Камыш да осока.
Вечер тянет с ужурских озёр
Непроглядный туман-поволоку.
К ночи птичий умолк разговор.
За серьгою протоки, на круче
Засветилась полоска огня.
И тропинка,
Как тоненъкий лучик,
До калитки доводит меня.

Омут вечной тишины

По грудь промокший от росы,
По кочкам натрудивший ноги,
Я кое-как добрался до протоки,
Где свадьбу водят караси.

Прикрывшись гривой тростника,
Закинул удочку на плёсо
И сыпанул подкормки просо,
Чтоб был улов наверняка.

Слежу за пульсом поплавка,
Как врач за сердцем у больного.
В природе есть свои законы,
Ведь должен взять на червяка!

А комары слепят глаза.
Как мухоморы уши стали.
На поплавке, как пьедестале,
Расселась чинно стрекоза,
Точь-в-точь владычица-царица...
Земли и неба чудеса!

И по её зеркальной спинке
Стекало время по росинке
В бездонный омут тишины...
И мне сидеть до седины,
Ждать молча клёва карася.

Дышал июньский полдень зноем.
Горел костром бескрайний день.
Гонимый жаждой к водопою,
Пришёл тропинкою олень.
Панты — бесценную корону —
Взметнул над гордой головой
И, даже ветки не затронув,
Застыл и слился с тишиной.
И только ноздри,
Только уши,
Как струны, вздрагивали вдруг.
Олень прислушивался, нюхал,
Ловил и щупал каждый звук.
И, наклонившись у откоса,
Встал на колени, как дитя,
Пил тень серебряной берёзы
Из синеглазого ручья.
Пил, наслаждаясь, долго-долго,
С водою небо пополам.
И в заводь сквозь ресницы ёлки
Сбегало солнце по рогам.
И вдруг — своей испуган тенью —
Метнулся к заросли густой.
Так наяву, не в сновиденье
Я повстречался с красотой.

Опять капелью
Звонкой растревожен,
Как на распутье
Тех далёких лет.
Стряхнув с усталых плеч
Заботы-ноши,
Спешу уйти я в палевый рассвет.
Туда, где нет
Ни лести, ни обмана,
Где всё, как есть,
Взправду, наяву:
Берёзки в сарафанах полинялых
Навстречу солнцу цедят синеву,
Малиновки и звонкие кукушки
Зовут влюблённых,—
Может быть, меня.
И я готов их зов часами слушать,
К земле томящей голову клоня.
Я чувствую,
Как будто кровь по венам,
Течёт в меня
Хмельной, бодрящий сок.
И я опять
В объятиях вселенной,
Как птаха, мал,
Как стройный кедр, высок.

И, подчиняясь общему закону.
Я радуюсь, как юноша, всему.
А почему
В лесу кукушки стонут?
Малиновки смеются
Почему?

Ледоход

На Чулыме — треск местами,
Колют щуки лёд хвостами.
Ай да славный ледоход!
Рыбаков путина ждёт,
Лодочки-долблёнки
Из осины звонкой.
День-другой подождём
И за пороги поплывём,
Там пудовые налимы
На быстринах чешут спины,
А какие нельмы!
Хитрые, как шельмы.
У избушки каждой
Сосны в шубах важных.
Сам Топтыгин-папа
Вам протянет лапу.
Распахнёт любовно
Дедово зимовье.

Леденцы

На оголённых стылых ветках
Сверкает инея кайма.
Сосульки — звонкие конфетки
С деревьев свесила зима.
Беру в ладонь,
Ловлю губами
И обжигаюсь холодком.
Но нет, не хмурит брови мама,
И не грозит отец ремнём...
Я на проталинках завалин
Следов знакомых не ищу,
Перебинтую туже раны
И боль пиллюлей заглушу.
Нас жизнь на прочность проверяла
В семнадцать лет в пылу атак
И по рецептам отпускала
За вздохом вздох,
За шагом шаг.
Она на пайках нас учила
И ненавидеть, и любить,
И обретать размах и силу,
И память верности хранить.
Чтоб так, как нынче с малышами
(Не хмурьтесь, строгие отцы!)
Ловить застывшими губами
Зимы скучные леденцы.

Он не шумит на всю округу,
Не рвёт плотин,
Не рушит скал,
Пробившись меж корней упругих,
Струёй хрустальной засверкал.
И не широк,
Не многоводен,
Седых не ведая глубин,
Он столько напоил народу
Одним ковшом берестяным.
Его не вспенивают вёсла,
Не будоражат катера.
С небес таинственные звёзды
В него глядятся до утра.
И на серебряных откосах
Сошлись тропинки всей тайги:
Красавица-великанка лося
И беззащитной кабарги.
И медвежата с медведицей,
Пять вёрст протопав по гольцам,
Смакуют воду-медуницу
С мохнатой тенью пополам.
Я тоже, жаждою томимый,
Пью сок земли из родника.
И становлюсь неутомимым,
Неугомонным, как тайга.

В январскую замять на стылую ветку
Под нашим окошком усилась синица,
Как самая добрая в мире соседка.
И вдруг зарыдала, заплакала птица.
Глядит сквозь стекло
Так доверчиво, просто
И клювом стучит в побелевшую шибку.
Я рад был пернатой непрошеною гостье
И щедро дарил ей скучные улыбки.
А птица кричала,
Чего-то просила,
Стонала и плакала, словно ребёнок.
Наверно, тоскливо в дуплянке ей было,
И месяц казался ей кошкой спросонок.
Она целый час убивалась напрасно
(Я птичий язык не учил, к сожалению)
И канула в полночь...
Поверье — на счастье,
И вдвое — коль случай такой в воскресенье,
Наутро её я нашёл на сугробе.
Лежала вешунья, седая от снега...
И тело до пяток прошило ознобом:
Я в птахе надежду убил в человека.
А рядом пустая чернела кормушка...

Мчится поезд за поездом вслед,
Оглашая трезвоном окрестность,
На телеге пустой, у разъезда,
Размечтался, задумался дед.
Внук последний покинул село.
Знать, чего-то ему не хватало.
В доме вдосталь и хлеба, и сала,
И на редкость в любви повезло.
Молодуха — картину пиши,
Хоть сейчас в сельсовет и на свадьбу.
А уж ей услужить как он рад бы,
Так ведь нет: «Не останусь в глухи».
А в «глухи» новый выстроен клуб,
Рядом школа, больница и ясли.
Вот бы правнуков больше на счастье!
Видно, дед поседевший не люб.
Может, что-то не то и не так...
Времена наступили другие —
К городам повернулась Россия.
Кто же вырастит хлеб и табак?..
Мчится поезд за поездом вслед,
Оглашая трезвоном окрестность.
На телеге пустой у разъезда
Горько-горько задумался дед.

Встреча с зимой

Подводит осень щедрые итоги.
Засыпаны запасы в закрома.
Зима судьёй, нахмурив брови строго,
Поскрипывает в новеньких пимах.
Ах, сколько дел ещё незавершённых
И сколько непочатых разных дел!
А жизнь спешит,
И дни летят со звоном,
И луг уже, как прадед, поседел.
Поёт лыжнёю лёгкий первозимок
И обжигает губы холодком.
Идут в обгон другие — мимо, мимо...
— Садись, — смеются, — дядя, подвезём!
Круги, круги в глазах, как сновиденья,
И вихри белой-белой кутерьмы...
И не поймёшь,
Где просто измененья,
Где к обновлению прикоснулись мы.
Стоишь молчком на краешке дороги
И слушаешь,
Как эхо, чей-то смех...
А нам зима, нахмурив брови строго,
В лицо швыряет пригоршнями снег.

Дед Ефим горячим варом
Смолит лодку: «Не сгниёт!»
Доживём...
И на Можары —
На утиный перелёт.
Есть такие там озёра —
Краше в мире не найдёшь,
Камыши румянят зори,
Пляшет ночью звёздный дождь.
Там чирков!
Полно, по слухам —
Только сам не оплошай...
Что ты мешкаешь, старуха!
Кочегарь!
Ишь, вар, как чай!
Любо-дорого — горячий!
Как сама ты горяча... —
И в усах улыбку прячет...
— Вот тебя я, трепача!
Прокипает пакля варом,
Солнце плавится, течёт.
Встретит дед Ефим в Можарах
Долгожданный перелёт.

*Баллада о родной деревне Ключи,
от которой осталась одна наша русская печь*

Одна,
Как подбитая лебедь,
Средь моря бушующих трав
Плытвёт она в тайную небыль,
Свиrepые бури поправ.
Забывшая хлебы и свечки,
Бодрящую радость огня,
До пода простывшая печка
С упрёком ворчит на меня:
«Откуда?
Кто ты, странный путник?
Знать, сбился с дороги во мгле?
Давно в моём чреве потухли
Последние угли в золе.
Никто не подкинет полена,
Лучинки никто не зажжёт.
Хозяева сгибли, наверно,
А внуки?
Никто не придёт».
Все мы разлетелись, как птицы,
Покинули гнёзда давно.
И, видно, назад воротиться
Судьбою не всем суждено...

Намыкавшись вдоволь по свету,
С поникшей стою головой.
Чем больше ломают нас беды,
Тем хочется больше домой.
Да, знать, припозднились немного...
Кругом ни двора, ни кола,
Кустарник запутал дороги,
Усадьба быльём заросла.
И в чреве печи деловито
Давно прописалась сова.
Сверкает глазами сердито
Ушастая голова.
Изогнутым клювом щёлкает:
«Моё это царство, уйди!»
Застывший листок иван-чая
В моей отогрелся горсти.
Ах, милая древняя печка!
Я истину знаю давно:
Однажды сожжённую свечку
Зажечь никому не дано.

Прощанье

Угасает закат на притихшем пригорке,
Бьют гагары отбой в камышах на пруду.
И зовут,
И зовут меня в степь перепёлки,
Только я никогда
К ним уже не приду.
Не приду налегке
На румяных рассветах,
С трав густых
Серебристой росы не стряхну.
Не встревожу пролётные стаи дуплетом
И веслом пополам не разрежу луну.
И в холодную ночь,
На заброшенной рёлке
Мой костёр не засветится яркой звездой.
Бродят в теле моем
Вражьей мины осколки...
Что ни час—
Рукопашный с коварной судьбой.
Не зовите напрасно меня, перепёлки,
Не играйте, гагары, отбой на пруду.
Не приду по пригоркам
И по росным рассветам.
Ни зимою, ни летом
Я к вам не приду.

У Антошки шире плеч гармошка.
Рыжий чуб касается Луны.
Все девчонки нашей Придорожной
Не на шутку в парня влюблены.
Кружится черёмухи пороша,
Яблони в сиреневом дыму...
Только наш бесчувственный Антоша
Голову не клонит ни к кому.
Только он не замечает вздохов,
Девичьей не видит красоты.
Эх, Антоша!
Ой, чудак, Антоха!
Для кого терзаешь ты лады?
Разберут красавиц-одногодок,
и тропинки скроет лебеда...
— Ничего!.. В России недороду
На девчат не будет никогда!
Поброшу по росам бездорожьем
У Луны глазастой на виду.
Может, не такую и хорошую,
Но свою любимую найду...
Кружится черёмухи пороша,
Яблони в сиреневом дыму...
Рвёт меха до полночи Антоша,
Угадай, поют они кому?

На перелёт, мой друг,
На перелёт!
Пусть снова сердце
Радостно забьётся,
Когда над плёсом
Шилохвост взовьётся
И королевским
В лодку упадёт.
И эхо медным шаром
Вдоль болот
Покатится,
Как резвый гром, играя,
И новая вспорхнёт
Над поймой стая,
И распахнёт рассветный небосвод.
И солнце,
Раздвигая камыши,
Поднимет гордо
Золотые вёсла.
Не опоздай на зорьку,
Поспеши!
Жизнь коротка,
И поздно будет после.

Брызжет алым соком в губы.
Щиплет пальцы,
Нёбо жжёт.
Кто рябинушку не любит?
Кто калёную не рвёт?
Я рябины рву рубины
И пучками их вяжу,
Я любимую любимой
Ягодинкой угощу:
Ешь горстями,
Ешь кистями,
Хочешь пригоршней — не жаль!
Пахнет летними лучами
Каждый огненный коралл.
А настойкой угощу я —
И в тайгу за мной уйдёшь,
Чуть пригубишь — поцелуешь,
Прямо в губы обожжёшь.
Брызжет алым соком в губы,
Щиплет пальцы,
Нёбо жжёт.
Кто рябинушку не любит?
Кто рябиновой не рвёт?

А в Сибири снега, снега...
Снег в степи и в глухи лесной.
Даже хмурые облака
Закурчавились белизной.

А снега всё метут, метут...
За сугробом сугроб встаёт.
Дни один за другим пройдут.
Сбросит речка тяжёлый лёд.

Снова будут шуметь дожди,
Лес шептаться зелёной листвой.
Будет снова дарить цветы
Лето, вымытое росой.

Будет всё повторяться вновь —
Выюги, ливни и листопад...
Кто-то встретит рассвет, любовь,
Кто-то в алый шагнёт закат.

И замоет следы водой,
И наполнится цвет росой.
Закурчавится белизной
И осветится новизной...

Не по весне,
А осенью тревожной,
Когда мы ищем место у огня,
К нам постучалась ласточка в окошко.
Так только в горе
К нам стучат друзья.

Раскинув крыльшки,
Как для объятья руки,
Прижавшись грудкой
К стылому стеклу,
У нас просила ласточка приюта,
Стремясь к животворящему теплу.

Стремглав, босой, я выскочил наружу,
Но птица скрылась в непроглядной тьме.
С тех пор всё чаще среди ночи чудится:
Друзья погреться просятся ко мне.

И на окошке стынут крылья-крестики
(Мы на войне не ставили кресты).
Как хочется порой хоть поздней весточки,
Душевной, человечной теплоты!

Зарится в три,
Темнеет в десять.
Лишь пять часов отпущено для сна.
Холодный дождь с крупою землю месит
И кожу лубенит нам дочерна.
И ветры больше с севера, не с юга
(Хотя прошёл их календарный срок),
И млеют обмороженные руки,
Храня в горсти окурок-уголёк.
А пять часов — поистине блаженство!
Чтоб время не транжирить на ходьбу,
Мы спим кто где
Под простынёй небесной,
Ничуть не обижаясь на судьбу.
И нашими согретые телами
Шуршат ростки,
Да так, что ходит дрожь...
Вставай! Вставай!
Горит заря над нами.
Промедлишь —
И травою прорастёшь.

Под майским лазоревым небом,
Плечами касаясь зари,
В манящие дали, как в небыль,
Я к вам тороплюсь, плугари...
По синему морю рассвета
Туманы плывут, как плоты.
Мелькают костры, как кометы,
И манят.
К какому идти?
Волненья и радости полный,
Стою над чужой бороздой.
Где встречу я солнечный полдень?
Закат провожу золотой?
Какие осилю пласти я?
Какое посею зерно,
Чтоб были буханки хмельные
И не было горьким вино?
Чтоб осенью, гордый от счастья,
Я мог, не краснея, сказать:
— Неплохо мы можем сражаться,
Но лучше умеем пахать.

В огороде — дым костра,
Жгут ботву соседи.
Тут же скакет детвора
На потеху деду.
А земля черным-черна,
Так и пышет паром.
Расторопная весна
Подсыпает жару.
Грабли — в ход,
И вилы — в ход,
Ничего, что копоть.
Вышибает горький пот
Дружная работа.
Все заботы впереди,
Время мчится быстро.
Как медали на груди,
Золотые искры.
В землю радуги текут
По рукам упругим,
И целует нас за труд
Солнце прямо в губы.

Ни пуха, ни пера!
Счастливого пути!
Выходим со двора —
Собаки впереди.
Тропинка, как ручей,
Петляет меж кустов.
Здесь россыпь дупелей,
Там — ток тетеревов.
А мы — на перелёт.
Утиные места.
Разбудим ширь болот.
Какая красота!
Всё нам дано.
Для нас —
И поле, и река.
Пусть будет верным глаз
И твёрдою рука!
Азарт кипит в крови,
Сердца и губы жжёт.
В охоте, как в любви,
Пускай нам повезёт.

У нас, не где-нибудь вдали —
За огородом у протоки,
Всю ночь скрипят коростели,
Смычками разбудив осоку.
От рос хмельны они, глухи,
К утру хрипят на скрипках древних.
И на поветях петухи
Всю ночь им вторят по деревне.
И дед Евмен Авдотью — в бок,
Чуть свет ей не даёт покоя:
— Куда закинула смычок?
Задели, черти, за живое!
Быть нынче доброму дождю!
Вон как их к сырости разносит!..
И у созвездий на виду
Выходит на крылечко босый.
И бороду задрав к луне,
Стоит всё утро на пороге
И слушает, как в тишине
Коростели скрипят в осоке.

Встреча в зимнем лесу

| 119

Здесь метели по неделе,
И по месяцу пурга.
Будто нет другого дела —
Знай тусуй, меси снега!
А как грохнут стынь-морозы,
Аж метровый лёд трещит.
Да позёмка тянет косы,
Прямо душу леденит.
Снег похрустывает звонко.
Что ни веточка — алмаз.
С изумлением ребёнка
Не свожу с рябины глаз.
Вижу (выпала удача —
или к лету поворот?):
Величаво озадаченный
По сучку паук ползёт
И усищами раскосо
Снег напористо гребёт.
А округу от мороза
Оглушает треском лёд.

О, Причулымье! Край лесов,
Озёр и речек полноводных.
В крови моей твой вечный зов
Гудит призывно и свободно.
Всё ощутимей и сильней
Любовь и грусть,
Мечта и жажда.
Я твой из многих сыновей,
И ты в моём дыханье каждом.
Я слышу, как в лесной глухи
Трубит олень в порывах страсти,
Как песней будит камыши
Рыбак, перебирая снасти.
И на болоте свист чирков,
И плач кукушки в синей чащe,
И шумный ток тетеревов—
И сердце бьётся чаще, чаще.
И закружится голова...
Так до последнего отбоя
Я буду слушать шум прибоя:
Как росы чмокает трава.

Таёжные дебри
И глухи, и немы.
Но вот на заре
Затрубили олени.
И полнится грузная
Осень любовью,
Азартною течью,
Погонями,
Кровью.
Соперники сходятся
В яростном рвенье.
Рога — словно пики,
С губ — клочья пены.
Удар. И сомкнулись...
Такое бывает:
В разгаре сраженья
Бойцы умирают.
Никто не расцепит,
Никто не разгонит.
В тайге нерушимы
Крутые законы.

Ещё зима, укрывшись по оврагам,
Грозится всем,
Грозит во все концы,
А под окном,
В саду, на синих лапах
Качаются весёлые скворцы.
Ах, вы куда?
Куда такою ранью?!
Хлестнёт метель,
Мороз скуёт ручьи,
И куржаком осыплются туманы
На тёплые проталинки мои.
А сам, как в детстве,
Мастерю скворечник,
По веткам лажу с удалью мальца,
И, затаив дыханье, утром вешним
Жду непременно первого скворца.
И вот они!
Качаются на ветках.
И свист, и звон, и росплеск бубенца...
Спеши, спеши, проснувшись на рассвете,
Послушать песни первого скворца

Майский гром

| 123

Люблю грозу в начале мая.

Ф. Тютчев

И грянул гром...
Прямой наводкой
Со всех позиций и стволов.
И хлынул дождь.
А где же лодка?
Ни пристани,
Ни берегов...
Плыту по руслам переулков
Без паруса и без весла.
А гром раскатисто и гулко
Танцует польку у села.
Бросает пригоршнями стрелы,
Ломает копья на лету.
А ребятишки —
Ах, пострелы! —
Арканят змеем высоту.
И ливня синие волокна
Вбиваются в землю босиком...
Они, до ниточки промокнув,
Завяжут молнию узлом.

Я жил без хлеба,
Без воды, без соли.
В окопах жил,
В болоте и в снегу.
Жил, задыхаясь от тоски и боли,
А вот прожить без песен не могу.
Шумит ли лес,
Кричит ли птица в колке,
Иль плачет над могилою вдова —
Мне грудь пронзают острые иголки,
И губы жгут горячие слова...
И плач детей,
И грустный скрип протеза,
И стон подранка в стылых камышах,
Как в пытках, сердце мне на части режут,
И плачем-песней полнится душа...
А если пир
Иль свадьба закипает,
Могу ли я оставаться в стороне?
Играй, мой друг,
Пока душа играет,
Забудь хотя б на время о войне.

В полях родного Причулымья
Я разжигаю вновь костры
И слушаю, как лета гимны
Опять запели комары.
Ещё несмело, с перебоем,
Ещё неслаженно, не в лад...
А где-то в пойме, за рекою,
Тревожно лебеди кричат.
Их путь к заснеженным просторам,
Туда, где Русь белым-бела...
И снова птицы с ветром спорят
И улетают от тепла.
И в роще,
Чуть зардеет зорька,
Среди берёз и тишины,
Бунтует ток скороговоркой,
И шпаги вновь обнажены.
Всё так, как было,
Всё так зrimо...
Закон природы нерушим —
В борьбе оспаривать любимых,
И кто достоин, тот любим.

Я видел сказку,
Чудо видел я:
Обняв полнеба золотой короной,
Вбежал олень на кромку небосклона,
По гребню зародившегося дня.
И там, где обрываются утёс,
Зияющий бездонною стремниной,
Он встал у края ледяной вершины,
Как будто в небо розовое врос.
И по рогам,
По струнам лёгких ног,
Перед полётом крылья расправляя,
Летел, сверкая радугой, поток,
Летели звёзды, бисером сверкая.
А он на гребне розового дня
Стоял, не шелохнувшись, изваяньем.
Я видел сказку,
Чудо видел я...
Не тронь ружьё!
Оставь воспоминанье.

А годы, как птицы,
мелькают, мелькают...
Им нет остановки,
Возврата им нет.
А мы всё торопимся—
Нам не хватает
Ни дней, ни ночей
И непрожитых лет.
Нам всё недосуг
Поглядеть друг на друга—
Какие мы были,
Какие мы есть.
Вчера — сыновья,
А сегодня уж — внуки
Несут рюкзаки и походную песнь...
И вдруг, словно ветром качнёт у причала,
И годы осыплют порошкой зимы.
Какими мы были?
Какими мы стали?
Кому-то хорошими были и мы.

Как пусто, как тихо в январском саду!
Ни шороха листьев, ни тени.
Озябшая сойка клюёт на кусту
Засохшее осени семя.
И там, где тропинки сводила весна,
И летом торили мы тропы,
Застывшая спит на сугробе луна,
И звёзды пристыли к сугробам.
И в ящик почтовый не спустишь письмо,
Он снегом давно затрамбован,
И к древней избушке калитка давно
Забита тесиной сосновой.
Лишь ветер, со всех налетая сторон,
Стволы оголённые гложет.
Штурмует забытые гнёзда ворон
И сбросить на землю не может.
А возле беседки — снегов круговорть,
Заструги торчат, как занозы...
И зимнего солнца закатная медь
Застыла в морщинах берёзы.

На щеках её румянец,
Как рассветная заря.
Зубы — белый снег в Саянах,
Речь — мелодия ручья.
А волшебные ресницы —
Крылья острые стрижей.
Как в такую не влюбиться,
Не открыться перед ней?
Поведёт плечами — чудо!
Косы по ветру вразлёт.
Бросит в жар и враз остудит,
Сердце в кулаке зажмёт.
— Хороша! — вздыхают парни. —
Да попробуй, подступись!
Хороша, да нету пары...
Парни, что ль, перевелись?
И нахмурив брови-стрелы,
В танце кружится она...
Жаль, что годы пролетели!
Ох, уж эта седина!..

Над Причулымьем гомон: перелёт.
 В лазурном небе птицы — парусами.
 Такая радость за душу берёт,
 Не высказать ни прозой, ни стихами.

Орут скворцы, пьянея от любви.
 Косяк гусей кружится над пригорком.
 Нет, нет, весна,
 В засидку не зови!
 Я первый раз иду к ним без двустволки.

Бренчит струной в овражке ручеёк,
 Дымятся вербы просинью густою,
 И, как оркестр, тетеревиный ток
 Гудит над пробуждённою землёю.

Молчите, ружья!
 Ваш черёд придёт.
 Весна звенит во все свистки повсюду...
 Над Причулымьем нынче перелёт.
 Ликуйте, птицы,
 Не мешайте, люди.

В который раз
Спешу я в поле,
Лаская взглядом краснотал.
И каждый стебель сердце колет,
Сражает сходу наповал.
Какое синее раздолье!
Какой размах!
Какая звенья!
То радостью зажжёт,
То болью
Зов милых сердцу деревень.
И слышится мне издалёка
Глас тех,
Что здесь прошли до нас:
Плач Ярославны одинокой
И лебедя призывный глас.
И как бы ни было мне трудно,
Как бы ни хмурился рассвет,
Сюда приду я завтра утром
И расцелую горицвет.

И снова май.
 В серебряных накратах
 Блестят берёзы, медная стерня...
 Из края в край —
 Земной особый запах
 Бензина и нагретого зерна...
 Такие дни считают по минутам,
 У них размах орлиный и полёт...
 И кажется: баранку солнце крутит
 И что ни ветка — солнышко цветёт.
 В полях, в садах и взрослые, и дети,
 У всех сегодня праздник — сев идёт.
 И незаметно в жизнь к нам входит лето,
 Как в лето осень страдная войдёт.

* * *

Всю ночь валила лёгкая пороша,
 Дымилась белым паром поутру.
 Чуть свет встаю я, сердце растревожив,
 Двустволку неизменную беру...
 Смолой и снегом
 Пахнет синий воздух,
 Мороз, крепчая, колет сухостой...
 Рассвет к ногам в сугроб бросает звёзды
 Уверенно размашистой рукой.

На пустом пожелтевшем покосе,
В причулымском пшеничном kraю,
Провожая союзницу-осень,
Я один словно тополь стою.

Не беда, что цветы отшептались,
Не беда, что чернеют кусты...
Как в обойме патроны, остались
Нерастраченные мечты.

* * *

За озёрами, за протоками,
Где осоки невпроворот,
Ходят зореньки босоногие
По широким коврам болот.
И не верил бы,
Да поверится
В мир придуманный, неземной,
Если в радуги,
В росные верески,
Окунёшься враз с головой.

Мы до света уходим из дому,
Возвращаемся в полночь домой.
Запах мяты
И запах соломы,
Как подарок, приносим с собой.
От усталости ужин не нужен,
И перина совсем не нужна.
Блекнет свет,
Как осенняя лужа,
И дробится в ушах тишина.
И во сне мы не знаем покоя,
Все буксуем,
Ненастье клянём.
Как солдаты, сойдясь после боя,
Счёт потерям ревниво ведём.
А, проснувшись, мы снова в потёмках
До восхода спешим на поля.
Мы семьи хлеборобов потомки,
И судьба наша — наша земля.

Над Причулымьем — птичий пересвист,
Пронизан лес зелёною порошкой.
И каждая травинка, каждый лист
Поют друг другу, хлопая в ладоши.

Курчавятся зелёные луга,
Недалеко уже до сенокоса.
И по лугам зелёная река
В зелёный край
Зелёный чёлн уносит.

Проворный шмель на проводах весны
За весь оркестр усердно, как смычками,
Звенит весь день на струнах тишины
Зелёными мохнатыми усами.

И тень его на розовом цветке
Рассыпала зелёные горошки.
И разбежались в лето налегке
Во все края зелёные дорожки.

Пишу и перечёркиваю снова,
На вкус и запах пробую слова.

Поэзия —

Она, как мать, сурова
И материнской нежностью жива.

Здесь не возьмёшь

Ни хитростью, ни силой,
Чуть-чуть нажмёшь —
И сломана строка...

В ней жизнь сама навек соединила
Упругость стали,
Нежность лепестка.

И прошлое

припоминая снова,
Найдёшь для песен нужные слова...

Поэзия —

Она, как мать, сурова,
И материнской нежностью жива.

Ещё, мне кажется, вчера
Жара томила на покосе.
И вот уж нити серебра.
Ледком позванивают росы...
Зима идёт,
Зима в пути,
Спешит, незваная, ночами,
И вянут поздние цветы
Под леденящими стопами.
Она хозяйкой на дворе
Стучит ведром,
Шуршит по стрехам
И осыпает в сентябре
Нежданно всех по пояс снегом.
И даль становится ясней,
Черней и чётче сосен кроны,
И в поле первый след саней
Синеет жилкой на ладони.

Вот и ты уезжаешь в город.
Нынче всё городское в моде.
А в деревню к нам скоро, скоро
Май вернётся, захороводит.

Разбросает по веткам гнёзда,
Синей прошвой заречье вышьет
И такие рассыплет звёзды,
Что не хочешь, да в поле выйдешь.

А тебя уже здесь не будет,
В этом настежь открытом мире.
Почему так стремятся люди
К городским коммунальным квартирам?

Не хочу ни балкона, на душа
И в тебя, моя звёздочка, верю:
Ты придёшь целоваться с кукушками,
Обниматься с кудлатыми вербами.

Хороша уха с ерша!

| 139

Утро цедит синеву,
За волной несёт волну.
Только сел я на траву,
Поплавок пошёл ко дну.

Хороша уха с ерша!
Эх, навариста!
Ну кому такой обед
Не понравится?

Рыбка тянет — я тяну.
За волной сечём волну
Леска звонкая — в струну.
То она, то я тяну.

Хороша уха с ерша!
Эх, навариста!
Ну, кому такой обед
Не понравится?

Я, стальной магистрали поэт,
Каждой шпалине кланяюсь в пояс.
Как ладонь, знаю каждый пикет.
Как любовь, каждый выстрадан поезд.
Просыпаюсь по зову гудков
И под гомон колёс засыпаю.
И во сне слышу звон молотков.
Сталь поёт,
Сталь, как скрипка, играет.
И когда схватит за сердце грусть,
И, как спички, ломаются строки,
Я уйти на вокзал тороплюсь,
Чтоб в живом затеряться потоке.
Там под гомон и говор людской
Я вливаюсь в могучее русло...
И спешу возвратиться домой,
Весь пропахший до косточек Русью.

Вечер на озере Белом

| 141

У рыбаков в натуге руки,
И вёсла в глубь погружены.
Задело невод рядом с кугой.
А бригадир — одно: «Тяни!»
Стреляют юркие щурята,
В ячейках вязнет скользкий ёрш.
А карп, как солнце на закате,
В мотню ныряет. Не уйдёшь!
Спешит за рыбой полдеревни,
Мелькают вёдра и сачки.
И в звонком воздухе вечернем
Свистят тревожно кулики.
Костёр на пляже пышет жаром,
Зовёт на ужин круговой.
И в Косоголе,
И в Можарах
Пахнуло свежею ухой.

Зима,
А голуби целуются,
Справляют свадьбы юркие клесты.
Идёт в обнимку парочка по улице,
И на щеках румянцы, как цветы.
Горят сугробы
Синецветной радугой.
И в ледяном безмолвии полей
Синит полозьев след
И душу радует,
Как первый жданный
Мартовский ручей.
Тру пятерней белеющие уши.
Не сдерживай игривых лошадей.
Чем ярче зимний день,
Тем крепче стужа,
Чем звонче снег,
Тем легче бег саней.

Вдыхаю горький дым палов,
А на душе легко и чисто.
Доносит вздохами ветров
С полей побудку трактористов.
Шагаю бодро по стерне,
Оставив зимние печали.
Всё предо мной
Открыто мне,
Всё повторяется сначала.
Не сожалею. За спиной
Земные недуги, сомненья.
В рассвет ныряю с головой,
С весной шагаю в наступленье
Стерней,
По лепесткам ростков,
А где придётся, по распутью...
Вдыхаю запахи палов
В бою простреленною грудью.

Пробудились у речки черёмухи.
Плещут ветки,
Как вёсла, врасплёск.
И синеют туманы истомою,
Будто выстиран набело холст.
На затопленной по уши рёлке,
Созывая на свадьбу гостей,
Турухтаны весь день без умолку
Свищут в дудочки камышей.
И на кочке, расцвеченою ряской,
Как княгиня на пышном пиру,
Пляшет чомга, моя синеглазка,
Чистит крылья на тёплом ветру.
Примостившись на ветке, сорока
Сторожихой взирает с куста.
И вплетает сухую осоку
Трясогузка в узоры гнезда.

У коновязи — ни коня.
Стоят, сверкая, в ряд машины,
Лоснятся красками их спины
И дразнят завистью меня.
В моторе каждом дремлет сила
В полста и больше лошадей.
Стальные чуда, где вы были
В дни трудной юности моей?
Я простираю к ним ладони
И обжигаюсь холодком...
Ах, кони, кони!
Где вы кони,
Дуга с валдайским бубенцом?
Не запрягать мне карих в дрожки,
Не мчаться по полю верхом...
И кажется мне чудо ложным,
Душа тоскует о живом...

Русская тройка

Не живём, не живём мы по-старому.
Только в песнях поём о былом.
Заложи мне по выбору карюю,
Тройку русскую с бубенцом.
Пронесусь по полям, по околицам,
Подниму алым вихрем снега,
Расплещу свою песнь колокольчиком,
Я — потомственный сын ямщика.
Может, кровь во мне предков бунтует?
Может, сам я натуры такой?
Я люблю, когда парни целуют
Красных девок в обнимку с зимой.
Мчатся, мчатся сквозь снежное марево
Тройки русские с бубенцом.
Заложи мне по выбору карюю,
Воскреси мои сны о былом.

Тропинкой иду я к закату.
Всё круче и уже она.
Настала пора листопада,
В душе не стихает война.
Не надо мне было богатства,
Ни звонкой казны, ни мехов,
Без них я доволен и счастлив
Мелодией звонких стихов.
Пусть трудно порой, но отрадно,
И свой поэтический жар
Вокруг раздавал я бесплатно,
Не нёс на горластый базар.
С ним шёл от привала к привалу
Сквозь бой и под шелест берёз,
К последнему перевалу
Сегодня я дар свой принёс.

Солнце в глаза,
Солнце в глаза.
Солнце такое,
Что вспыхнут ресницы.
Бабка пророчит:
«Ударит гроза —
Как бы не выбило градом пшеницу!»
Дед возле грядок колдует с утра.
Лихо не раз его было с размаху.
Мало видел он в жизни добра.
Липнет намокшая потом рубаха.
Грозы бывали —
Пройдут и уйдут,
Тучи отхлынут, лучи засверкают...
Пота солёного струйки текут.
Солнце по пальцам на грядку стекает.

На обветренных скулах
Солнце красит веснушки.
Лес чуть свет всколыхнули
За рекою кукушки.
Зорька росы смакует —
До чего хороши!
В ранней роще токуют
Петухи-черныши.
И сквозь прелую ветошь
Прошлогодней листвы
Пробивается к свету
Ополченье травы.
И стоит у разлива
От рассветов красна,
Талисманом России
Вековая сосна.

Я люблю эту светлую улицу,
Где в Петровки ромашки ковром,
Где резные ворота красуются
И берёзка в платке под окном.
Я люблю из колодца глубокого
Зачерпнуть леденящей воды.
Под гармошку с красой-недотрогою
По деревне до края дойти,
А чуть свет, за речною протокою,
Лиши умывшись настоем росы,
Проложить в травостое дороги—
Голубые прокосы Руси.
И, уставший, в промокшой рубашке,
Наслаждаясь покоем земным,
Возвращаюсь коврами ромашки
К незабвенным воротам резным.

И где бы меня ни спросили:
Откуда, мол, взялся, где жил?
Я родом, скажу, из Сибири—
Её коренной старожил.

И кедры мои,
И осины,
Повитое дымкой жнивьё,
И в ситце берёзки босые—
Мои!

И всё трижды моё!
Бреду ли тайгою я древней,
Иль в поле дорожку торю,
Я эту тревожную землю
Чем старше,
Тем больше люблю.

Страда

И день, и ночь
Гудят, гудят моторы,
Не спят дороги
И не спят поля.
И у штурвалов примостившись, зори
Торопят ночи в заросьль ковыля.
Здесь тыла нет—
Кругом передовая,
Мы все солдаты матушки-страды.
И ты не спиши,
И я недосыпаю.
Ночей бессонных много впереди!
Но будет день,
Как яркая страница.
Мы на меже,
Где солнце через край...
Отпразднуем отжинки по обычаяу,
Разрезав первый пышный каравай.

Я просыпаюсь до рассвета,
Чтоб с утром встретиться в пути,
Чтобы одну на всей планете
Свою тропиночку найти.

Никем не топтанную в росах,
Никем не мятую в снегах.
И полдень встретить на покосах,
И звонкий вечер на полях.

Познать палящий зной и стужу,
Брататься с ветром и грозой
И вырастить свой хлеб насущный
В достатке — белый и ржаной.

3. В огне, среди огня

Рассвет на реке Проня

| 157

Не к седому Днепру,
Не к чубатому Дону —
Мы с боями дотопали
К Проне-тихоне.
Проня — речка
Всего шириной в три аршина,
А болото — с версту,
Плавуны да трясины...
Ни мостков,
Ни плотов,
Ни походных pontонов...
Весь плавучий запас —
Две шершавых ладони,
Да штаны пузырём,
Да сmekалка солдата.
И форсировать с ходу
Приказа не надо.
Каждый знает —
Промедлишь,
Назад повернёшь —
Сколько кровушки
Здесь прольёшь!
И, как водится,
Первая
С ходу пехота
Под свинцовой метелью
Бросается в воду.

Ах ты, Пронечка-Проня,
До чего ж ты коварна!
В омута с головою
Бросаются парни.
И без криков, без стонов
Тонут, тонут и тонут!
Да нашёлся же кто-то толковый,
Самый смелый,
С хитринкой, с риском:
Протянул над рекою провод,
Тонкий-тонкий,
Как ниточку жизни.
И пошли друг за другом,
Ухватившись за провод.
Не сорвались бы руки —
Как-никак, есть подмога.
Если пуля случайная минет,
Если вкось не прошьёт осколок,
Если в этом аду-содоме
Смерть тебя обойдёт сторонкой —
Знать, вернёшься к родному дому...
А в Тамбове, в Москве, на Каме,
В Казахстане, в Иркутске, в Рязани
Снились мы на рассвете мамам,
Мы — чубатые мальчуганы.
Мы — сосчитанные по пальцам,
На отбитом клочке — плацдарме,
На прожжённом свинцом пригорке.

А кто там,
На реке, остался—
Не считали...
Молчит история.
Будет долго качать их Проня
На широких своих ладонях...
Я бывал в переделках-бойнях,
Горем тёрт
И колот,
И рублен.
А как вспомню рассвет на Проне,
Сердце стонет.
Кусаю губы.
Прожигает мой мозг, как искра,
Провод тоненький—
Провод жизни.

* * *

Я в жарких схватках погибал не раз.
И грудь на грудь, и штык на штык сходился.
Какой святой меня в тех битвах спас?
Я никакому богу не молился!
Шёл в бой, как все.
А было ли нам страшно?
Не до того под ливнями свинца!
И сколько было этих рукопашных,
Никто из нас непомнит до конца!

И в жизни нет страшней мгновенья

Когда в атаку поднимаешь
Себя и ратников своих,
Секунду каждую считаешь
И каждый вздох, и каждый миг.
И в жизни нет страшней мгновенья,
Как встать на бруствер огневой,
Бежать в порыве наступленья,
И падать — оземь головой.
И, опершись опять о друга,
Что срежут пулей наповал,
Рвануться в ад свинцовой выюги,
Сквозь миномётный чёрный шквал.
И, оставляя в поле павших
(Да пусть они простят живых!),
Ворваться в укрепленье вражье,
И — нож на нож,
И — штык на штык.
И болью скошенные губы,
И блеск стальных потухших глаз...
Завал полуживых и трупов,
Приткнутых к стенкам,
Вмятых в грязь.
А после в блиндаже чужом
Кошмаром грезить рукопашной,
Рот зажимая рукавом,
Рыдать,
И звать на помощь павших.

Не приходите плакать на могилы,
Не убивайтесь в стонах и мольбе.
Мы мало жили,
Очень мало жили,
Но нашей позавидуют судьбе.
Не приклоняйте головы седые
К пожухлым травам...
Наш — другой удел.
Мы были и остались молодыми,
И тленье не коснулось наших тел.
Не мы, а время
Нам покорным стало.
Что годы?
Ветер!
А эпоха — миг!
Венками прошумят у пьедесталов,
И прошуршат томами новых книг.
На смену им, теснясь, придут другие
И будут петь,
И пить в помин вино.
Мы с ними рядом встанем, молодые —
Ведь смертью нам бессмертие дано.
Так не ходите плакать на могилы,
Не убивайтесь в стонах и мольбе.
Мы мало жили,
Очень мало жили,
Но нашей позавидуют судьбе.

Вспоминаю опять палатку,
Наш кочующий медсанбат,
Костю, раненого в Пятихатке.
В безнадёжных лежал солдат.
Было больно смотреть на парня,
Почерневший, как пень в лесу,
Он метался, объятый жаром,
На руках у сестёр, на весу.
Только Костя твердил упрямо,
Задыхаясь, кричал в бреду:
«Мы Адольфу выроем яму!
Я к Адольфу в Берлин приду!»
Мы, видавшие виды ребята,
Знали: Костино дело — швах,
И подбадривали солдата,
Боль клещами зажав в сердцах.
Дни тянулись, врачуя раны,
Развезли нас кого куда.
Всё проходит... Воспоминанья
Не забудутся никогда.
Через год получил я почту,
Написали из артполка:
«Выжил!
В строй возвратился Костя!
Снова парень разит врага»...
А когда боль железной хваткой
Сдавит грудь мне: «Пора, простись...»
Вспоминаю я ту палатку,
Костю, раненого в Пятихатке,
И как он, сражаюсь за жизнь.

За пять минут перед атакой

| 163

Уже не ночь,
Ещё не день,
Росой посеребрив, как пудрой,
Поднялось над пригорком утро,
Картуз надвинув набекрень.
А мы уже давно в окопах
Часы сверяем и сердца.
И тишина, как крышка гроба,
Повисла тяжелей свинца.
Минута — жив...
Ещё минута.
Топорщатся во рту слова.
Кто, завернув цыгарку круто,
Глотает дым из рукава.
А кто шершавыми перстами
Украдкой молча крестит рот.
Простите их за слабость, мамы,
Пусть им в атаке повезёт.
Секунд замедлено теченье.
Минуты...
Кто их с чем сравнит?
Чека в зубах...
Ещё мгновенье...
И всё взорвётся, загремит.
До хруста пальцев сжав гранаты,
Штыки — щетиной, как лучи,
Сейчас рванутся в бой солдаты.
Ещё секунду помолчим...

Она пришла в землянку к нам под Спасском,
Сержант, одна из дочерей Руси.
Прядь русую укрыв под каской—
Любовь и гордость девичьей красы.
Шинель—до пят,
Пудовая кирза,
И сумка санитарная с бинтами,
И синие-пресиние глаза,
Как небеса весенние над нами.
Комбат, двадцатилетний капитан,
Окинув цепким взглядом пополненье,
Пред нею оробел, как мальчуган,
Невольно заикаясь от волненья:
— Зачем же нас так больно унижать?
Война—издревле полюшко мужское.
Кто будет пополненье нам рожать,
Если тебя мы сунем в пекло боя?—
Он замолчал. И, стиснув автомат,
Шагнул в пургу, не обронив ни слова.
На смертный бой повёл бойцов комбат,
И к смерти, и к бессмертию готовых...
Вповалку все на марсовом пиру
Легли во славу пирровой победы.
Не описать бой моему перу.
И кто опишет? Очевидцев—нету!
Мы хоронили павших на закате,
Слезинками на землю падал снег,
И целовала медсестра комбата,
И в первый, и в последний раз, за всех.

Баллада о дуэли

| 165

Мы, признаться, боялись ходить по окопам.
От землянки к землянке, как между ножей.
Притаившийся снайпер без промаха шлёпал
Меж бровей.

Сколько можно такое терпеть!
Уходили ребята в засаду.

А ночами мы их хоронили молчком.
И давила гнетущая тяжесть солдата
Под соском.

Пять ночей и пять дней
Я лежал, притаившись за камнем.
Я — охотник.

Меня научила тайга:
Если надо — недели сидеть в ожиданье,
Если бить — только в глаз,
А рогатиной — наверняка.
На шестые...

Чуть свет посерел на опушке,
Я заметил, как дрогнула ветка куста,
И короткую песнь оборвала кукушка
Неспроста.

Чуть сверкнуло стекло...

Хватит!

Время не терпит!

Ведь недаром навскидку я бил из ружья.
Полсекунды всего
Межу жизнью и смертью.

Он промедлил...

Жизнь выиграл я.

С нами рядом

Фронтовики,
Фронтовики,
Как вас в живых осталось мало!
И вас, как в море маяки,
Судьба по свету разбросала.
Ни телеграмм,
Ни писем нет.
Напрасно встречи ждёшь годами.
И белый цвет,
И жёлтый цвет
Метелью кружится над нами.
Всё круче узкая тропа,
И некрологи по газетам.
Благодарю тебя, судьба,
За юбилейный День Победы.
А сколько их, таких солдат,
Лежат на фронтовых дорогах!
И не дождаться им наград,
Их не обнимут у порога.
Так разомкнём ряды колонн.
Пускай незримо с нами рядом
По праву встанут у знамён
России верные солдаты.
Услышат времени шаги
И вновь шагнут на пьедесталы...
Фронтовики, фронтовики,
Как вас в живых осталось мало!

Перед атакой

| 167

Упало небо на окопы,
В испуге прячется в щелях.
Земля в глаза,
Земля и копоть,
Земля в ушах и на зубах.
Песком засыпаны ребята,
Кто мёртвый,
Кто ещё живой.
А надо встать,
Кому-то надо
Шагнуть за бруствер огневой.
Мне только-только восемнадцать.
Я не любил ещё, не жил.
Мне мама снится,
Книжки снятся,
Родной речушки камьши.
Они живут со мною рядом
Одной тоской,
Одной мечтой,
А надо встать,
Кому-то надо
Шагнуть за бруствер огневой.
В глаза земля,
Земля и копоть,
Гудит гроза над головой,
Встаю над ранами окопа,
Встаю на бруствер огневой.

Я получил твоё письмо.
Оно меня прожгло, как пуля.
И больно память всколыхнуло,
Как будто крепкое вино.
И засочились кровью раны.
Средь ночи, как в наркозных снах,
Жену зову на помощь, няню,
Бьюсь в чьих-то трепетных руках.
И, пересилив шок, по полю
Спешу с такими же, как сам,
На смену доблестным героям,
Подмогой братьям и отцам.
Нас на войне не берегли.
И мы не береглись, как надо.
Мы в полный рост в атаки шли
И облетали листопадом.
Как много, много гибло нас!
Вот с ним ползли мы к доту рядом.
И на моих глазах фугас
Попал в него —
и нет солдата.
Меня слепили, как Адама,
из груды грязи.
Вот — живу.
И что ни ночь,
к горящей Вязьме
спешу — и брежу наяву.

Опять до света не сомкнул я глаз.
Не от безделья,
Не хандрой опутан:
Ночную тишину на ключья рвёт фугас,
И бьют фашисты беглым из орудий.
Мы, распластавшись прямо на снегу,
Лежим всю ночь,
Вперёд никак ни шагу.
И я, как штык,
В уме точу строку,
Чтоб в трудный час
Вдохнуть в друзей отвагу.
И пусть меня ругают невпопад
За рифмы неудачные и темы.
Я чувствую дыханье,
Пульс солдат,
И, как умею, топаю со всеми.
И чей-то стон,
И чей-то крик души
Меня в который раз навылет ранит.
Я слышу павших голоса: «Пиши...»
И с песнями иду, живые, с вами.
И годы, словно мины, шелестят,
И глаз я не смыкаю до рассвета.
Да если бы не жил судьбой солдат,
То никогда не стал бы я поэтом!

Мальчишка из Рязани

Под пальцами навзрыд рыдают струны.
По старческой щеке скользит слеза.
Как много лет
С тех страшных пор минуло,
А помню всё!
И позабыть нельзя.

Мой друг был невесёлый, неказистый,
И богатырских не набрался сил.
Мечтал мальчишка стать артиллеристом,
А рядовым в пехоту угодил.

Мы вместе были с ним всего неделю,
Что на войне — весьма солидный срок.
Секундам счёт в свинцовые метели.

Две-три атаки и... прощай, сынок!
Мальчишка из есенинской Рязани,
За брата старшего он почитал меня
И, не скрывая, тосковал по маме,
И звал во сне любимого коня.

— Мой иноходец — редкой красоты.
Весь в яблоках — от головы до крупка.
Конь — просто воплощение мечты!
Такого и за золото не купишь.
Взлетишь в седло лихого рысака,
Прильнёшь щекой к его горячей шее.
И хоть лети к луне, за облака,—
Летать так гордо лишь орлы умеют.

Нас разбросало врозвь в бою под Клином, | 171
Шли комсомольцы в рукопашный бой.

Осколки мне изрешетили спину,
Он вражий пулемёт прикрыл собой...
Под пальцами взахлёб рыдаают струны.
По старческой щеке скользит слеза.
Как много лет с тех страшных пор минуло!
Играй, мой друг,
Тех лет забыть нельзя.

* * *

Памяти связистки К. Ситниковой

С вещмешком солдатским за плечами
Шла она тревожными ночами.
Шла по изувеченным дорогам,
Сапогами натирая ноги.
Лазила под проволкой колючей
И была по-дьявольски везучей.
В сапогах на три размера больше
Топала по Венгрии и Польше.
И дошла б,
Дошла б она до дому
По земле, воиною опалённой,
Да в бою, на улице Берлина,
Под ногами разорвалась мина...

172 | *Подмосковные берёзы*

Были зимы.
Были выюги.
Только вспомнил я о той,
Сорок первой,
Самой лютой,
Подмосковной — фронтовой.
День — в окопе,
Ночь — в окопе,
А мороз пыхтит да жмёт.
Пляшут зубы от озноба,
Пляшут рощи на сугробах
Так, что оторопь берёт.
А присядешь у печурки —
Сразу вспомнишь дом родной.
И берёзовые чурки
Плачут, плачут, как дочурки,
И трещат наперебой.
Подмосковные берёзы,
поредевшие леса!
Вы спасали нас в морозы,
Вы стояли на откосах,
Там, где ширилась гроза.
Отгудели зимы-злюки,
Отгрел кровавый бой.
И берёзовые выюги
Ходят, ходят, ходят кругом
Над свободною землёй.

Где б я ни был,
 Где б я ни был,
 Улечу и вновь вернусь.
 Вам, заветные берёзы,
 Подмосковные берёзы,
 До земли я поклонюсь.

* * *

— Вы откуда?
 — Из боя, из горящих окопов.
 — Из обугленных танков.
 — Из рокочущих «Илов».
 — Сколько вас?
 — Не считали
 Ни живых,
 Ни убитых.
 Имена на скрижалях
 Незабытых,
 Забытых.
 Мемуарные списки,
 Многоточия в каждом.
 Сколько их, обелисков,
 Разбросало солдатских?
 В День Победы знамёна
 Преклоняем в молчанье
 И зовём поимённо,
 И зовём безымянных.

* * *

За боем — бой.
И снова бой.
Так всю неделю.
Усталость чёрною змеёй
Пронзила мозг, сковала тело.
Упал в горячую воронку.
Лежу, как дома на печи.
А ротный, сжав в руках двухвёрстку,
Вперёд! —
опухшим ртом кричит.
Напрасно.
Мёртвые не слышат.
В атаку павших не поднять.
Летят снаряды ниже, выше.
И пули над тобой свистят.
Но ты живой —
А значит, должен
Идти за тех, кому не встать.
Пусть страх когтями
Впился в кожу —
Не может сердца разорвать.
Не дай же повод особистам
Тебя, как зайца застрелить.
Уж если смерть.
Так в схватке — чисто.

Всё может быть.
Всё может быть.
И ты, стряхнув, как сон, усталость,
Встаёшь на бровке огневой.
Разделим, что кому досталось.
И снова в бой.
И снова в бой.

B поле

Стонет перепел: «Ма-ма! Ма-ма!»
Перепёлка зовёт: «Пойдём!»
Где им знать, что война меж нами
Раскалённым свистит клинком!
Рвутся мины на наших спинах.
Снайпер целится между глаз.
Так и влез бы по уши в глину,
Только дан боевой приказ...
Страх до пяток корёжит кожу,
Только есть выше страха честь.
А иначе и быть не может.
Каждый шаг — или жизнь, или смерть.
Я лежу у воронки-ямы,
Рану стягиваю бинтом.
Стонет перепел: «Ма-ма! Ма-ма!»
Перепёлка зовёт: «Пой-дём!»

* * *

Иду один я вечером.
Вокруг горят снега.
Где вы, друзья-разведчики
Сто пятого полка?
Вы помните под Вязьмою
Расстрелянный лесок,
Снарядами распаханный
Кровавый пятачок?
Что было вам намечено —
Всё сделано сполна.
Где вы, друзья-разведчики?
Ответом — тишина.
Ракетами расцвеченный
Горел под нами снег.
Но шли вперёд разведчики,
По пояс шли в огне.
Под Харьковом, под Оршою,
В Карпатах голубых
Лежат друзья надёжные
В доспехах боевых.
Чернявые и русые
В неполных двадцать лет
Легли за землю русскую,
За всех держа ответ.

Тревожное Отечество
И верность сберегли.
А вот себя, разведчики,
Сберечь вы не смогли.
Что было нам намечено,
Всё сделано сполна.
Зову друзей-разведчиков
Ответом — тишина.

* * *

Мы в огне, среди огня,
Может, день,
А может, вечность.
На броню идёт броня
Лобовой атакой встречной.
Пальцы стиснуты в кулак,
Мир вмещается в прицеле...
Вот он, рядом, подлый враг,
Прёт упрямо, оголтело.
Что-то мешкает комбат —
Видно, носит зря фуражку.
Не спеши,
Курни, солдат,
Всё! Последняя затяжка.

Довольно, капитан,
Черкать двухвёрстку,
Высотку эту
Знаем я и ты.
Она, как кость,
У нас застряла в глотках,
И многим захлестнула
Кровью рты.

Но нам её придётся снова брать.
Направо — топь,
Налево — лёд шугою.
Два капитана за полночь не спят.
Где, как рискнуть солдатскою судьбою?

Мы раскатали баню на плоты,
И, прикрываясь берегом и льдами,
Нырнули в кипень бешеной волны,
Обняв друг друга стылыми руками.

Трещали льдины,
И трещали брёвна,
И нас бросало в ледянную муть,
Кого-то волны поднимали снова,
Кому-то в чёрной мутни утонуть.

На полчаса опередив зарю,
Пробрались с тыла проклятой высотки,
И снежным валом — р-раз на немчуру!
Кого — под дых,
Кого взажим — за глотки.

Потом я целый день,
Как ни не старался,
Не мог разжать
Своих сведённых пальцев.

* * *

Из семерых вернулись двое.
И не пришли, а приползли.
Как будто их под бороной
Сто вёрст по полю волокли.
Пошли бинты, палатки в дело,
Трещат рубахи в тишине.
Кто говорит, мы огрубели
И очерствели на войне?
Кто не видал, как умирают,
В бреду сгорая и в крови,
Тот ничего о нас не знает —
О наших муках и любви.

Заслон

Три дня держал деревню батальон.
Сражался до последнего патрона.
И отошёл...
А взвод наш — как заслон.
Залёг цепочкой жиdenькой на склоне.
Комбат нам торопливо руки жмёт,
Ненужные даёт всем поученья:
— Заройтесь в землю.
Может, повезёт.
И на войне бывают исключенья.
— Не надо, капитан, кривить душой,
Обманывать пред схваткой обречённых.
Всё решено.
Иди, пока живой!
Войны не нами писаны законы.
Кому-то жить.
Кому-то надо лечь...
Нам выпала крутая эта доля.
Ясна задача: чтобы вас сберечь,
До ночи надо продержаться в этом поле.
И ты напрасно время не тяни.
Не растеряй погибших медальоны.
А будешь жить — прошу, родным черкни:
Остались добровольцами в заслоне...

Она сама в фашистов не стреляла,
В разведку не ходила по ночам.
Она бельё солдатское стирала
По-бабы, со слезами пополам.
Простреленное пулями навылет,
Осколками разорвано до швов,
Оно от крови пенилось под мылом,
От вшей кишело в щёлочек котлов.
И день, и ночь
За годом год бессменно,
Забыв про завтрак,
Сутками без сна,
Она в судьбе солдат была, как верность
И матерей, и милых жён. Одна...
Шёл бой за боем.
И за ношей ношу
Тащили ей через огонь и грязь.
И с рук перчатками слезала кожа
С ногтями вместе
В месяц десять раз.
Вы рук при встрече за спину не прячьте
И в сторону не отводите глаз...
Поклон земной вам, фронтовые прачки,
Что на войне обстиривали нас.

В неё влюблён был весь гвардейский полк:
Солдаты и лихие капитаны.
И каждый, как умел, её берёт,
Как берегут в бою святое знамя.
Кому она сестру напоминала,
Кому невесту,
А кому — жену.
О ней вздыхали парни на привалах,
И пели, нарушая тишину.
Ах, Таня-Таня, снайпер-невидимка,
Краса и гордость, полковая честь!
За смерть твою
И за твою поимку
Фашисты обещали выдать крест.
И ты крестила их...
Но на войне всегда,
Коли не ты,
Тебя возьмут на мушку.
Обрушилась, как чёрный шквал, беда.
И в роще смолкла навсегда «кукушка».
Мы схоронили Таню на заре.
Под всхлипы ветра,
Без родных и мамы.
И полк, видавший тысячи смертей,
Стирал, не пряча, слёзы кулаками.

Уходит в ночь разведка полковая,
Сдав документы хмуруму НШ.
Как дёготь, тьма осенняя, густая
Скользит. И, как по лезвию ножа,
Мы лезем, лезем, лезем, лезем, лезем,
Прижавшись всею плотью к мерзлоте,
До тошноты, до коликов, до рези
В ногах, в руках, в суставах, в животе.
Передний край весь в сплохах-ракетах,
А мы должны, должны, должны пройти.
Другой дороги нет у нас к победе,
Другого к жизни нет у нас пути.
Мы на врага обрушимся обвалом
И будет эта схватка нелегка.
Цель так близка... Ещё, ещё бы малость.
Цель так близка и, ох, как далека!
Что будет там? Никто, никто не знает.
Ни мы, ни наш задумчивый НШ.
Уходит в ночь разведка полковая
Под пулями, по лезвию ножа.
Передний край весь в сплохах-ракетах,
А мы должны, должны, должны пройти.
Другой дороги нет у нас к победе,
Другого к жизни нет у нас пути.

Лежим в снегу
И мокрые, и злые.
Три дня не ели и не спали мы.
Сейчас пойдём в атаку за Россию —
А после — будем живы, поедим.
Мы ждём сигнала — красную ракету,
И мины рвут нас,
И не смеем встать.
Нет ничего обиднее на свете
Такой нелепой смертью умирать.
Мы ждём сигнала.
Смерч ломает сосны,
И пятерней корёжит кожу страх.
В сугроб уткнулся Воропаев Костя,
Убит осколком взводный на глазах.
За Родину!
Бегу навстречу ветру,
И упаду, к родной земле прильнув.
Сто шестьдесят четыре сантиметра
Я не отдам уж больше никому.
Прошла, не зацепив меня, косая...
Но хлеб во рту застрял, как горя ком.
С шинели молча снегом оттираю
Фашиста кровь, пронзённого штыком.

Снег — в глаза,
Смерть — в глаза.
И болото, болото, болото.
Как хотелось им жить,
Как хотелось любить,
Одногодкам моим
С двадцать третьего года!
Помню я,
Помню я
Грозовые смоленские дни,
Помню я
Штурмовые атаки за Оршу.
Страх поправ,
Смерть поправ,
Поднимались на подвиг они...
С той поры не встречались мы больше.
На свиданье иду,
На свиданье к друзьям
Я иду к обелиску
В любую погоду.
Как хотелось им жить,
Как хотелось любить,
Одногодкам моим
С двадцать третьего года!

Я их бессчётно рыл лопатой.
Долбил киркой,
Сверлил штыком.
И по песчинке, в пекле ада,
Солдатским черпал котелком.
Мешались с кровью пот и глина,
Трещала кожа на руках...
И пули прошивали спину,
Осколки плющились в костях.
А я, клещом вцепившись в землю,
И целовал её, и грыз.
Я шар земной
Тогда, наверно,
Прогрыз нас kvозь—
И вырвал жизнь!

* * *

Ещё один поник закат,
Солдатской кровью истекая...
Кого-то унесли в санбат,
А кто-то в поле умирает.
Жнёт жатву жадная война,
Живых в суглинок зарывает...
Кто знает, скольких старшина
Поутру нас не досчитает...

И через годы мне припомнить страшно:
Сошлись грудь в грудь,
Схлестнулись на ножах
И падали, сплетаясь в рукопашной,
Как падают суслоны на полях.
Когда луна, поблёкшая от боли,
Взглянула наземь из-за туч седых,
Нас, четверых, подняли с поля боя,
Ещё не мёртвых, но и не живых...
Иду по жизни, в целый мир влюблённый,
С друзьями нежен,
С недругами крут.
Мне пред начальством спину гнуть в поклонах
На сшитом теле шрамы не дают.

* * *

Нас память возвращает в пекло боя,
Но в прошлое заказаны пути...
Я уплатил с лихвою за былое
И что ещё могу я там найти?
Ничто уже былого не изменит,
Убитых не вернуть и не поднять.
Встань, время, перед ними на колени,
Живым о них всю правду надо знать.

Разъезд, ничем не знаменитый,
Дощатый узенький перрон,
Слезами вдовыми омытый
Под детский плач,
Под бабий стон.
А мимо, мимо
Днём и ночью
Летят, как судьбы, поезда,
И чьё-то сердце кровоточит,
И чья-то падает звезда.
Шуршат в ладонях телеграммы,
Разносит ветер крик ворон,
И кто-то встречи ждёт упрямо,
Шагами меряя перрон.

* * *

Под Вязьмой сосны — восковые свечи,
Как медных труб, лесов тревожных гул.
Здесь каждый ствол осколками посечён,
На каждой ветке метины от пуль.
Заросшие травою бугорки,
Могилы павших и разбитых дотов.
И в хвое заржавевшие штыки —
Там полегли костьюми полки и роты.

Я помню, был не обделён когда-то
Ни ласками, ни нежностью девчат.
Но спит моя любовь под Ленинградом,
Невенчанная девушка-солдат.
Живу с другой — с законною женою.
Не лучше и не хуже всех живу.
Но всё зовёт она себя вдовою,
И, хмурясь, я себя вдовцом зову.
Два сердца, две сквозных кровавых раны —
Их никаким не залечить врачам.
Рыдает лебедь раненый в тумане,
В куте лебёдка стонет по ночам.

Едва засветилась полоска рассвета,
На бруствер стряхнув беспокойные сны,
В атаку опять подняла нас ракета
На чёрное поле войны.
Швырнула навстречу свинцовому ветру,
В кипящие взрывы снарядов и мин.
И кто мог подумать,
И кто мог поверить,
Что можно — пусть чудом! —
Остаться живым.

Горела степь,
 Горело небо,
 Гудел войны тяжёлый гром.
 На взвод принёс ефрейтор хлеба.
 Принёс, рискуя под огнём:
 «Вот вам...» —
 И молча сдёрнул каску.
 Лежали мёртвые в дыму.
 И был тот жданный хлеб солдатский
 Уже не нужен никому.

* * *

Опять прикованный к постели,
 Мечусь и день и ночь в бреду
 И снова слышу вой шрапнели,
 И вижу в клочьях высоту.
 Вперёд! — и гневом пышут лица,
 Горят отвагою глаза.
 Нельзя на миг остановиться,
 От смерти спрятаться нельзя...
 Мечусь, как в том горячем деле,
 И бой закончить не могу.
 И раны вновь горят на теле,
 Как кровь горела на снегу.

Не привыкну.
Никак не привыкну:
Сам не верю себе, что живу.
Поимённо погодков окликну,
Пофамильно друзей назову.
Вот они предо мной, как живые,
Только некого в праздник обнять.
Обелиски стоят по России,
Обелиски в Европе стоят.
И напрасно на пир созываю,
И напрасно на помощь зову.
Только рощи, как вдовы, вздыхают,
Только падают звёзды в траву.

На линии огня

Убитые не отступают.
Бронёю стала им земля,
Они, травою прорастая,
Лежат на линии огня.
И рядом с теми, кто сегодня
Вершит истории шаги,
Они, невидимые мною,
Смыкают намертво штыки.

Много пишут, много говорят:
 «Подвиг не бывает незамечен».
 А скажите, сколько их, солдат,
 Полегло тогда на поле сечи?
 И доныне поиски идут,
 Собирают правду по крупицам.
 Павших не поднять и не вернуть —
 Ни героев и ни очевидцев...
 Есть святая истина одна,
 Верная, как знамя боевое:
 Не перечисляя имена,
 Называем павших мы — герои.

Быть или не быть?

Врач, хмурясь, смотрит мне в глаза:
 — Где только вас судьба носила?
 Так сердце истязать нельзя.
 Инфаркт. Поберегите силы.
 — Вы правы, доктор, нас судьба
 Щадить себя не научила.
 И мы не берегли себя,
 Но сберегли в боях Россию.
 Мы не могли иначе жить.
 Решалось: быть или не быть!

Коростель

| 193

Всю ночь в обгоревшей осоке
Скрипит коростель и скрипит.
Скупые солдатские строки
О всех написать он спешит.
О тех, кто в свинцовом угаре
Лежит на остывшей золе.
И молча седые Стожары
Над ними склонились к земле.
Ночь стелет туманы-пелёнки,
Качает траву-колыбель.
И пишет, скрипя, похоронки
Всю ночь, как штабист, коростель.

Под Берлином

С минуты на минуту ждём отбой.
А схватка всё упорнее, всё злее.
Рискуем снова в сотый раз собой.
На то война...
Никто не пожалеет.

И боль утраты — пулею к виску,
И в гневе загораемся отвагой.
И вновь, и вновь по ротному свистку
Бросаемся в последнюю атаку.

Она предстала предо мной
 В рассветном радужном сияньи.
 Густой заросшая травой,
 В накратах розовых саранок.
 У посеребренных дубов
 Теснилась поросль молодая.
 И пересвист перепелов
 Звенел, окрестность пробуждая.
 Галдели чайки на Днепре,
 Жужжа, спешили пчёлы к сотам.
 ...Здесь в сорок первом, на заре,
 Лёг батальон морской пехоты.

* * *

Мы ушли из школы
 В маршевые роты.
 От доски — в окопы,
 В родинках чернил.
 Не росой июльской,
 А солдатским потом,
 Не водой, а кровью
 Я в боях их смыл.

Поёшь?
— Пою.
— Какой весёлый!
Один, как перст.
Чему ты рад?
Друзья лежат на поле боя,
Отец и братья там лежат.
А ты поёшь...
— Нельзя иначе,
Зачем печалить жизнь свою?
Пою — в морщинах слёзы прячу.
Я о родных своих пою.

В последний миг

Вот-вот в атаку...
А сейчас
Впиваюсь в мёрзлый ком
губами.
Ведь, может быть,
в последний раз
Целую землю я,
как маму.

Солдату долго спать нельзя

За боем — бой.
Опять: «Вперёд!».
Устал солдат, идти не может.
Уснуть бы чуть... Проспал бы год,
Пусть только ротный не тревожит.
Пронизанный огнём и страхом,
Крепится из последних сил,
Готовый хоть сейчас на плаху,
Чтоб только знать, что победил.
И встретив пулю в серой мутни,
Сомкнув усталые глаза,
Шепнёт: «Я только на минуту...
Солдату долго спать нельзя».

Команда перед боем

Наденьте каски! Глубже!
До бровей!
И вы солдатской мудрости поверьте:
Спасает каска многих от смертей
И удлиняет путь к бессмертью.

А голова гудит, как провода...
Вот-вот сейчас расколется от лязга.
Знать, пулями иссеченную каску
Не снять мне, как ни силюсь, никогда.

* * *

Дымился след кровавый на снегу,
Горели танки
И чадили доты.
Той страшной ночи
Не забыть врагу
И нашей штурмовой
Курсантской роте.
Хочу забыть я,
Только не могу:
Напоминает под ребром осколок...
Теряя кровь,
Опять лежу в снегу,
Прикрыв собою раненый пригород.

Во здравие и на помин души—
Мои стихи,
Как водка перед боем.
Когда прочтёшь,
Об этом сам реши.
Да будет так,
Как суждено судьбою...
Мои стихи,
Как ножевые раны,
Покоя днём и ночью не дают.
И без меня останутся, как знамя,
Что я пронёс, не уронив в бою.

* * *

Зачем обманывать себя?
Мы знаем цену
Сталинским победам.
Кровавей битвы
Не было и нету,
Вновь повторить—
Расколется земля!

Просыпаюсь... Потный лоб.
Распахнул рубашку — жарко!
— Что с тобою?
— Рыл окоп.
Лез и падал на нейтралке.
Фриц не дремлет — бьёт в упор.
Но приказ не обсуждают.
Кровью залит косогор,
Нас в атаку поднимают.
Пулемёт чеканит дробь,
Под ногами рвутся мины...
Вытираю потный лоб:
Сны войны проходят мимо.

Нейтралка

Клочок обугленной земли.
Воронки, рвы
И груды трупов.
И финки, и штыки в крови,
Как павших выбитые зубы.

В разведке

Вторую неделю пластаемся мы,
Изодраны в дым маскхалаты.
Нам взять языка непременно живым
Любою ценою надо.
Любою ценой.
А цена — это мы,
Солдатская кровь
И солдатские жизни.
Как призраки, лезем болотом гнилым
От риска до риска,
От риска до риска.
Ещё неизвестно,
Когда мы возьмём,
Кого? И возьмём ли? Не знаем...
И здесь не пролезешь,
И там не пройдёшь:
То доты,
То дзоты,
То мины.
Вторую неделю пластаемся мы,
Черней головешек солдаты.
Нам взять языка непременно живым
Любою ценою надо.
Любою ценой...

Мы платим сполна,
Без сдачи за всё, не торгуясь.
Убит Тимофеев, лихой старшина,
Убит рядовой Чугуев.
И вот на руках умирает Петров—
Учитель из Ашхабада.
А фрицы за бруствером—десять шагов,
Хватить бы туда гранатой.
За всех рассчитаться...
Да надо живым
Нам взять языка непременно.
И мы, выжидая момента, лежим,
А есть ли такие моменты?..
Мы выждем.
Ворвёмся в окоп на штыках,
Отвагу на риск умножая.
...Всю жизнь на моих обгоревших руках
Разведчик молчком умирает.

Баллада о солдате-новичке

Он пришёл в батальон
В ночь перед наступленьем.
Не по росту шинель,
В больших неуклюжих ботинках.
Осторожно в землянку протиснулся боком
И, как вилы к зароду,
Поставил винтовку к стене.
«Кто из вас командир?
Принимай пополненье.
Я — Иван Иванов
Из деревни Иваново... Вам...
Угощайтесь, кто любит,
Прошу не стесняться».
И расшитый кисет
Положил с самосадом к печурке.
Зашуршала в углу фронтовая газета.
Руки, словно пожатья,
Сомкнулись крест-накрест впотьмах.
Взвод взятяжку курил,
Вспоминая счастливое время,
И светились морщинки у глаз.

...Чуть заря заалела над бором,
Мы в атаку пошли.
Видел я,
Как рванулся вперёд новичок,
И под ноги — снаряд.
Сноп огня.
И воронка.
И память
О солдате, что нас
Перед боем согрел самосадом.
...Он стоит предо мной,
Улыбаясь, в табачном дыму,
И бежит впереди
Атакующей роты.
Сноп огня.
И воронка,
Воронка,
Которой
Ни ему и ни мне
Никогда
Не дано перейти.

Письма на фронт

Их приносили на передний, к нам,
Прижав к груди, как самое святое,
Тревожные — от верных жён и мам,
Бодрящие — от милых — перед боем.
Мы ждали их,
Как день рождения ждут.
Кто был там, с нами,
Сам прекрасно знает.
Ведь с ними втрое крепче был редут
И неприступнее — передовая.
Мы их читали медленно впотьмах,
При вспышках боя,
При слепых коптилках,
И грели их, застывшие, в руках,
И у сердец их бережно хранили,
В коротких снах твердили наизусть,
Шептали воспалёнными губами.
И отступала тягостная грусть,
И наклонялись матери над нами.
Мы с ними шли в доспехах боевых...

Солдатской славе ненавистна ложь.
Я знаю боль окопного томленья:
Как исполненья приговора, ждёшь
С минуты на минуту наступленья.
Никто не знает:
Что там будет,
С кем
За бруствером,
Где в ключьях лес и небо?
Как дважды два,
Без слов понятно всем:
Никто не встретит нас
С вином и с хлебом.
В последний миг,
Прильнув к земле щекой,
Услышишь, как она зовёт и плачет.
И встанешь в рост
На бровке огневой.
И в бой пойдёшь...
Тебе нельзя иначе.

На войне выходных не бывает.
День и ночь.
День и ночь напролёт
То снаряды,
То мины вздыхают,
И строчит, и строчит пулемёт.
На минуту затихнет, и снова
Свищут смерчи свинца и огня,
И солдатской багрянится кровью
Почерневшая в муках земля.
На войне выходных не бывает.
Но, бывает, смирится судьба:
Облетит стороною косая,
Пощадит не меня, так тебя.
Только матушку-землю не минет
Ни снаряд, ни коварный футас.
С материнским терпеньем-кручиной
Делит беды, страдает за нас.
Как коварна судьба и сурова!
Свищут смерчи свинца и огня,
И солдатской багрянится кровью
Почерневшая в муках земля.

Они в окоп скатились через бруствер,
Как глыба снега грязного в крови.
— Вернулись, братцы!
С «языком» вернулись!
— Вот молодцы!
— Все, кажется, живы?
А глыба снега копошилась молча,
Сверкали каски метинами пуль...
Дымились куртки, порванные в клочья...
Бил пулемёт — тревожной ночи пуль...
Вставали грузно, упираясь в стены,
Друг другу помогая, кто как мог...
Лежать в снегу остался рядом с пленным,
Комвзвод, убитый пулею в висок.
Лежал он, широко раскинув руки,
Прикрыв собой земли окопной пядь,
Как будто всех хотел обнять... И вынужу,
Что, плача, билась о землю, как мать.
...Нам всем вручили вскорости награды.
Не обошли штабисты никого.
Но не было комвзвода с нами рядом.
И в награждённых не было его.

Памяти политрука Алексина

Четыре дня, захваченный в тиски,
Метался батальон от схватки к схватке,
Зазубрились гвардейские штыки,
Пунцовой кровью напитались скатки.
На пятый, ночью,
Все, кто только мог
Стрелять, колоть,
Давить врага руками,
Мы с яростью рванулись на восток,
И политрук Алексин вместе с нами.
Ту доблесть, не подвластную перу,
То мужество не описать стихами...
Живых считать мы стали поутру,
Жгутами перетягивая раны.
Тоска и боль...
Пятнадцать человек!
Четыреста лежать остались в поле.
И политрук, упав на белый снег,
Был вражеским штыком заколот...
Ему исполнилось в то утро двадцать лет.

Бывало и такое на войне:
Всего за час до жаркого сраженья
Весь батальон, припав к сырой земле,
Храпел, аж листья падали с деревьев.
Никто не думал,
Что нас ждёт потом,
Каким тяжёлым будет пробужденье.
И снились сны:
Кому родимый дом,
Кому в хлебах родимые деревни.
И улыбались воины во сне,
Как будто снова их качали в зыбках,
И было странно видеть на войне
Не смерть, не раны —
Мирные улыбки.
Жужжали сыто пчёлы в тишине,
Цвёл мак, росой июльскою обрызган.
Спал батальон
Мертвецким сном в траве
На грани смерти
И на грани жизни.

Опять село по грудь в сугробах тонет,
Дома к земле пригнулись от снегов.
И кажется мне — не дома, а кони
Ждут не дождутся павших седоков.
Полощет выюга белые попоны,
Куёт мороз уздечек серебро.
И чудится мне — скачут эскадроны,
Взметнув, как вихри, сабли наголо.
Но спит горнист, под Krakovom убитый,
Грызут напрасно кони удила.
Стоят дома, метелицей повиты.
Зима пути-дороги замела.
А жизнь идёт —
Не может быть иначе.
Целуют парни избранных девчат,
Чуть свет в район за почтой всадник скачет,
И, радостный, галопом мчит назад.
И я хочу, чтобы всегда так было,
Чтобы беда не знала наш порог,
Чтоб свадебный ковёр метель стелила
И кони в лентах мчались вдоль дорог.

Солдаты войны

| 211

Весна, весна
В цветах и тёплых росах!
Над мирным полем облако плывёт.
Лаская взглядом тихие берёзы,
Солдат войны,
Товарищ мой идёт.
Вокруг толпится племя молодое,
Но в памяти всё зrimее встают
Ребята, что рассеяны войною,
Девчонки, что на праздник не придут.
Они погибли, не дойдя до цели,
У Праги,
Вены,
У вершин Карпат.
Трубят горнисты — белые метели,
Листает годы жёлтый листопад.
В чужой земле легли в могилах братских,
Чтоб мы могли в достойном мире жить,
Последний долг свой выполнив
солдатский...
Нам никогда погибших не забыть.

Памятник

Им вырыли одну на всех могилу
И ряд на ряд, шинелями прикрыв,
Суглинком мокрым скорбный прах зарыли
Под жидкой тенью обгоревших ив.
И траурный салют из автоматов
Вздохнул над изувеченной землёй.
Клялись погибшим в верности солдаты
Пред неизвестной участью своей.
И ни венков,
И ни цепей тяжёлых,
И нет с надгробной надписью плиты.
Оружье исковерканное с поля
Снесли на холмик братской высоты.
И гильзы,
И горячие патроны,
И котелки, пробитые насеквось,
Оставили, как вазы для пионов,
Живых гвоздик
И вечно алых роз.

Встреча в разведке

| 213

Сошлись нос в нос,
Столкнулись грудью в грудь.
Разведка натолкнулась на разведку.
Не разминуться в поле, не свернуть.
Эх, надо б здесь войне поставить метки!
Без криков,
Без проклятий,
Кто кого...
Душили,
Грызли,
Резали,
Кололи...
И не хватило у зимы снегов
Засыпать лужи крови в бранном поле.

...И до утра я не сомкну глаза:
Маячат мертвецы в кошмаре мглистом,
И бьётся из-под лезвия ножа
В дымящий снег струёю кровь фашиста.

Осень... Холодные чёрные ливни.
Ночью и днём переулки пустынны.
В доме, где в детстве играли когда-то,
В доме убитого друга-солдата
Тучами — чёрные занавески,
Чёрная бабка у чёрной печки.
Щёки, сведённые чёрным испугом.
Молча ломает чёрные руки,
Молча кусает чёрные губы.
«Где ты, наш родный?
Где ты, наш любый?»
Горе здесь выпило всё до кровинки.
Сердце — пустое,
Пустые кринки...
Нет в доме сына,
Нет в доме люда.
Внуков не будет,
Смеха не будет.
Ливень полощет чёрные косы...
Осень... Холодная чёрная осень.

Какая гроза отгремела!
Какой ураган отгудел!
Какие леса поредели!
Какой травостой почернел!
Трещали стволы, как солома,
С металлом мешалась зола...
И вот на таком буреломе
Кудрявая поросль взошла.
Не видно культияных обрубков,
Не видно обугленных пней.
И курит медовую трубку
До полночи росный кипрей.
И там, где сражались солдаты,
Вставала земля на дыбы,
Аукаясь, с песней, девчата
В лесу собирают грибы.
А возле ручья, под берёзой,
От жгучего солнца укрыт,
В раздумье сосёт папиросу
Весь белый, как лунь, инвалид.

Мы принесли коллекции с войны:
Кто ордена,
Кто костили,
Кто шрамы,
Пустые с перегибами штаны,
Пустые рукава — на слёзы мамам.
Да жажду к жизни,
Да любовь к труду,
Да к девушкам застенчивую нежность,
Да в новый день крылатую мечту
И миру незапятнанную верность.
Хотелось нам забыться в тишине.
Но жизнь — неугомонная, как речка,
И часто ради красного словечка
Некстати вспоминают о войне.
И шелестят стерильные бинты,
И вдвое горше матери страданье...
На скорбный холмик положи цветы
И павшим поклонись в молчанье.

От раны умирает фронтовик.
Он столько лет носил осколок в теле
И всё молчал.
Он хныкать не привык.
Он всё, что мог
И что не мог, всё делал.
И новое старался одолеть,
Как юноша любил мечтать, влюблённый.
К путине надо — приготовит сеть.
У школы посадил аллею клёнов.
А детворе он обновил грибок,
В саду поставил русские качели.
И в спешке будней было невдомёк:
Ну почему огнём сжигает тело?
От раны умирает фронтовик,
Не проронив ни жалобы, ни стона...
Остались стопки непрочтённых книг,
А возле школы — ровным строем клёны.

Столько лет ношу я шрам на теле
От фашистской пули роковой!
Сорок лет так быстро пролетели!
Знать, ямщик у времени лихой.
Всё спешил от жизни не отстать я,
На поля спешил,
Спешил в тайгу.
Но остался навсегда солдатом,
Под Москвою раненным в снегу.
Хоть гони, хоть не гони проклятую,
Не уходит от меня война.
И сжимаю кулаки-гранаты
Я средь ночи, не коснувшись сна.
Слушаю, как набегают выюги,
Как в подушку плачет мать-вдова...
И бинты затягивая туго,
Вспоминаю ротного слова:
«Кто в живых останется, пусть помнит:
Кровь свою мы пролили не зря!»
Боевая рана — это орден
И частица Вечного огня.

Фронтовые дороги

| 219

Тревоги, тревоги, тревоги.
И снова средь ночи подъём.
Избитые месим дороги.
По лесу идём напролом.
По вязким расхлёстанным пашням,
По зыбям бездонных болот
На смену израненным, павшим—
Марш-марш! Без привалов!—
Вперёд.
Шинели от пота огрузли,
И просят лапши сапоги.
От плит миномётных, как грузди,
Хрустят и хрустят позвонки.
И кажется небо с овчинку,
И ночь—бесконечно длинна.
Крепитесь, ведь вы же мужчины!—
Твердит нам седой старшина.
Ремни подтянув до отказа,
До сини сдавив кулаки,
Покорные строгим приказам,
Мы ускоряем шаги.

Мы на фронт уезжали
В телячьих теплушках.
От неструганых досок болели бока,
Но цвела на губах
Дорогая «Катюша»,
И кипела сибирская мощь Ермака.
Нам бросали в открытые двери букеты
Всех садов и лугов
И охапки травы.
— Возвращайтесь, родные!
— Мы ждём вас с победой!
— Верим, смелыми, стойкими
Будете вы!
Мы под гомон колёс
Засыпали, как дети,
Как не спали, наверное,
Никогда.
...Я стою на перроне,
И пусто, и ветreno.
И уходят на запад опять поезда.

Был день, как день,
Обычный, фронтовой.
Наш батальон пять раз ходил в атаки,
И кровью пламенели буераки.
И всё же кто-то был ещё живой.
И вновь приказ:
«Взять штурмом высоту».
Комбат мундштук перекусил зубами:
«Кого я в наступленье поведу?
Высоты не берутся мертвецами!»

Но... на войне приказ не обсуждают.
И, стиснув в жёстких пальцах автомат,
Шагнул вперёд...
Ведь смерть не выбирают!
И мы за ним...
Был день черней, чем ад,
Шёл батальон в последнюю атаку...
Вскипели вражьей кровью буераки,
От нашей крови заалел закат.

За боем — бой.
За боем — бой.
А по ночам — за маршем марши.
Идём по выюге огневой
На смену раненым и павшим.
И гнев, и боль слепят глаза.
И сердце обжигает страхом,
Но повернуть назад нельзя,
Хоть стала мокрою рубаха.
А кто попятился назад
И ослабел душой — о, боже! —
ждёт позади заградотряд,
И вряд ли он ему поможет.
Я не берусь его судить.
И кто судить его берётся,
Пускай свою проверит прыть:
Грудь в грудь с врагом
В бою сойдётся.
И оказавшись в рукопашной
Хоть в первый раз, хоть во второй,
До дна бесстрашья выпьет чашу,
Всю чашу горести людской.

Я не ушёл с передовой,
Хотя давно война минула.
За жизнь ещё не кончен бой...
Застряла возле сердца пуля.
Всё повторяется воочью.
Я зrimо вижу вновь и вновь
Земли обугленные клочья,
Ручьями брызжущую кровь.
И в этой круговерти ада
Сквозь взрывы, пробивая брешь,
Бегут соратники-солдаты,
Штурмуют вражеский рубеж.
Вперёд, вперёд, мои друзья!
У нас другой дороги нету.
Мне отставать от них нельзя.
Так много отдано Победе!
Пытаюсь встать,
Но мгла глаза
Закрыла чёрной пеленой.
Гремит шрапнельная гроза.
За жизнь ещё не кончен бой.

Вечный бой

В землянке — земляной норе
Лежим вприжим, друг друга грея.
А завтра, чуть заря зардеет,
Бросок за бруствер огневой,
На искалеченное поле,
Где трупов больше, чем травы.
Быть может, кто по Божьей воле
Ещё останется в живых.
Вперёд!..
Потом, храня в груди осколки,
Ползком дотянется к норе,
Где никого...
Лишь гарь махорки,
И можно тихо умереть.
И я, не верующий в магов,
И ни в чертей, и ни в святых,
В той мясорубке-передряге
Остался, раненый — в живых.
Пусть обескровлен, искалечен,
Полу... Но всё-таки живой!
Никто, никто из нас не вечен.
И жизнь — не дар,
А вечный бой.

Снится пепел деревни,
В рваных ранах большак —
Из кольца окруженья
Всё не вырвусь никак,
Всё сжимаю гранату,
А швырнуть не могу.
Умирают солдаты
На бегу, на бегу.
А меня всё минует,
А меня всё щадит.
Чем за щедрость такую
Буду в жизни платить?
Может, правда, в рубашке
Мать меня родила?
Попытать в рукопашной...
Эх, была — не была!
Чёрный пепел деревни,
Кровью залит большак.
Из кольца окруженья
Всё не вырвусь никак.

Полгода лежал безнадёжно,
В ожогах, израненный весь,
И выжил.
И если так можно,
Скажу я точнее — воскрес!
Из праха,
Из горького пепла,
Из мрака глухой тишины
Поднялся, как призрак над склепом,
В разгар сорок пятой весны.
Гудели фанфары и трубы,
Плескался раскатистый смех.
Он, сжав опалённые губы,
Впервые заплакал при всех...
И вот уже ветер, неистов,
Слезу выжимает из глаз...
Такие мы жадные к жизни,
Такая натура у нас.

Всю ночь в окно стучится осень-птица,
Холодным клювом бьёт и бьёт в стекло.
И мне не спится,
Мне опять не спится,
И судорогой ноги мне свело.
А птица плялит чёрные глазищи
И целится когтями прямо в грудь.
Ночная птица жадно жертву ищет
И не даёт никак передохнуть.
Мы с ней с лихих военных лет знакомы,
С той госпитальной ночи фронтовой:
Она меня легко находит дома
И в шалаше в безмолвный час ночной:
«Лети со мною, не сопротивляйся!
Там нет тревог: покой и тишина...»
Прочь от меня, исчезни, убрайся!
Давным-давно закончилась война.

Лес догорал.
Прижатые к песку,
Лежали мы на мёртвом берегу,
Отсчитывая скорбные минуты.
И вдруг,
Мгновенье вырвав у войны,
Над жерлами прожорливых орудий
В мир хлынули сигналы тишины:
Ку-ку!
И захлебнулась смерть свинцом.
Ку-ку!
И пальцы загибают рота,
И за махоркой тянется пехота:
«Ещё и впрямь, ребята, поживём».
...Но, поперхнувшись пулею, вещунья
Упала в угли тлеющей сосны.
Была страда покосного июня —
Немирный вечер мировой войны.

Бьёт и бьёт
Войны тяжёлый молот,
Торжествует сила зла и тьмы.
Растолчён,
Рассечён
И расколот
Бугорок,
Где окопались мы.
Треснули от лязга перепонки,
Захлестнуло кровью нос и рот.
В штабе на убитых похоронки
Писарь не напишет и за год.
Мёртвые с живыми вперемешку,
Заслонив клочок земли, лежим.
— Держимся!
— Удержим!
— Есть надежда,
Если уцелеет хоть один!

Двенадцать раз ходил в атаку
Наш комсомольский батальон.
Двенадцать раз вперёд ни шагу
Никак не мог пробиться он.
И вот в тринадцатый идём.
Глаза усталость заслонила,
И руки налиты свинцом,
И сделать шаг нет больше силы.
Идём во весь солдатский рост,
На склоне оставляя павших,
И каждый шаг, как в землю гвоздь,
И каждый метр, как скалы пашем.
И взяли...
Обгоревший дот,
Село в ожогах и руинах...
А сколько вот таких высот
Ещё лежало до Берлина?

Что ни строчка — война.
Буква к букве встают, как солдаты,
И, нагнувшись вперёд,
Снова цепью в атаку идут.
Пулемётным дождём
Многоточие хлещет хвостато,
И чернеет тире,
Как раздавленный танком редут.
Бьёт наводкой прямой
Батарея гвардейская — память!
И разрывы,
И всплески свинца и огня.
И, рискуя опять,
Нам бросаться и падать
В свинцовое пламя,
Как тогда на войне...
До последнего дня.

Встреча с фронтовыми друзьями

Я жду друзей, которых нет давно.
Прошу за стол мой праздничный пройти
И разливаю мысленно вино,
Боясь, чтоб никого не обойти,
Гостей я угощаю всем, что есть.
Закуски хватит роте на три дня.
Какая радость и какая честь,
Когда тебя проведают друзья!
Я обнимаю, радуюсь, пою.
Гляжу, гляжу в мальчишечьи глаза.
«За здравие!» — и все со мной встают...
Но свет вечерний застила слеза.
И за столом со мною никого.
И в полных рюмках блекнет свет лучей.
Но счастлив я: я видел торжество,
Я видел фронтовых своих друзей!

Сестра, сестра,
Открой окошки настежь!
Я новой песней встретить день хочу,
И, оттолкнувшись от невзгод вчерашних,
Я, может, тоже к звёздам полечу.
Кровать мне будет верной стартплощадкой,
Подушка кислородная — скафандр.
Не плачь, сестра,
Поправь бинты-заплатки,
Я не умру,
Я не умру от ран...
А в градуснике ртуть скользит всё выше,
И кровь сочится снова сквозь бинты.
И звёзды шепчут мне всю ночь над крышей:
«Вставай, солдат, вставай!
Мы ждём, лети!»

Возвращение

Я помню, как с войны вернулся брат.
Скрипя в пустом подворье костылями.
Видавший виды гвардии солдат,
Он, как ребёнок, громко крикнул: «Мама!»
И замолчал,
И губы прикусил,
И костили,
Как раненые крылья,
На звонкие ступени уронил
И рухнул, задыхаясь от бессилья.
И ойкнуло,
И ахнуло село,
И тут, и там взахлёб заголосили:
«Отдышитесь...»
«В родном углу тепло...»
«Какое счастье Марье привалило!».

В палате тишина.
Кто глушит стон в подушку,
Кто молча прячет слёзы в пятерне.
И не вздрогнёт сестра.
Ей надо всех послушать:
Кто кашляет
И кто кричит во сне.
А если кто замечется тревожно,
Спешит со шприцем —
Все раздумья прочь.
И страх, и боль преодолеть поможет
И пережить поможет эту ночь.
Кого одной улыбкой обласкает,
Кого весёлым словом ободрит.
Для всех соратников она сестра родная,
А это званье надо заслужить.

236 | *Окопы—наша крепость*

Всю ночь, не разгибая спины,
Мы долбим проклятую глину.
Она, промёрзлая насквозь,
Тверда, как мамонтова кость.
А нам, солдатам, дан приказ:
«Копать! Копать,
Хоть кровь из глаз!»
И без приказа всё понятно —
Спасение — в её объятьях.
И мы стучим в земную твердь.
Чтоб победить шальную смерть.
Долбим —
кто стоя, а кто лёжа...
С мозолями сползает кожа.
Атаки фрицев ждём с рассветом.
Окопы наши — наша крепость.

Душно в комнате и тесно.
Не уснуть мне до утра.
По селу гуляют песни,
Обнимаются ветра.
Мне бы с ними на полянке
Покружиться под луной,
Да лежит моя тальянка
Под днепровскою волной.
И, прикованный к постели,
Я с обидой мну усы.
А по ранам, как по цели,
Бьют секундами часы.
Лезут стулья в наступленье,
В омут тянет тишина.
Наяву иль в сновиденье
Снова топает война?

...И вспыхнуло,
И раздробилось небо,
Исчезло в космах
Дыма и огня.
Простреленная вздыбилась земля
И застонала,
Как подранок-лебедь.
И миллионы выстрелов
И взрывов
Слились в один многоголосый гром.
Летели доты вражьи кувырком,
И блиндажи вспухали, как нарыва.
И мы, стряхнув окопную тоску,
Рванули в ад,
Вминая в рыжий пепел
Оскаленных адольфовых солдат,
Броню и крепи вражеские — в небыль.

Нас ни судьба, ни годы не щадили.
Промчался смерч,
И круг наш поредел.
И разбросало братские могилы.
А кто остался, в двадцать поседел.
Как чёрным градом выбитое поле
Кой-где поднимет в небо колосок,
Так, задыхаясь от тоски и боли,
Вставали мы на сквозняках дорог.
Но ни мольбы,
Ни жалоб
И ни стонов.
Идём, сверяя с временем шаги.
Лишь иногда стираем пот ладонью.
И вновь идут вперёд фронтовики.

Где в бою от боли
Корчилась земля,
Выросли на поле,
Встали тополя.
Белые берёзы
Обступили дол,
Собирают росы
Мирные в подол.
И рассветной ранью
Ливнем голубым
Омывают раны
Сверстникам моим.
На земле атаки,
У родных берёз,
Расцветают маки,
Близкие до слёз.

На перекличке

| 241

*Из ста юношей рождения
1923 года, ушедших на фронт,
в живых осталось только трое.
Так утверждает статистика.*

- Где детство?
- В тумане.
- Где юность?
- В окопах.
- А зрелость?
- В искаńях,
В теплушкиах,
На тропах.
Костры на привалах
В Балканах глухих...
- ...Лишь трое из ста
Нас осталось в живых.

Разные поля встречались в жизни.
Шли мы в рост
И падали мы ниц...
Сколько их у Матери-Отчизны,
Памятных в Истории страниц!
Доблести солдатской — Куликово,
Мужества в веках — Бородино.
А вот нам у вырубки сосновой
Полюшко ничейное дано.
Не дождём — крутым огнём кинжалным
Вправо, влево чешет пулемёт.
Будет снова поле безымянным —
Или с нами имя обретёт?

Царица полей

Я лишь пехотный был солдат.
Пехота есть пехота.
Сто вёрст прошёл, как говорят —
Ещё идти охота.
Ни выпрвкой богатырей —
Ничем мы не блистали.
Но всё ж царицею полей
Не зря нас называли.
И если на груди твоей
Не ордена — медали.
Ты о наградах не жалей —
Мы честно воевали!

Поэт, член Союза писателей России Пётр Павлович Коваленко родился в Ужурском районе Красноярского края в день Петра и Павла — 12 июля 1923 г. Участник Великой Отечественной войны с первых её дней, отправившись на фронт добровольцем прямо со школьной скамьи вместе со всем своим классом. Начав войну рядовым, закончил свою «военную карьеру» командиром роты. Инвалид ВОВ 2 группы. Имеет 6 боевых орденов и медалей.

Его год рождения, 1923-й, был самым «убийственным» для той войны, и то, что Пётр Павлович выжил в этой мясорубке, «отсиживаясь» в окопах на передовой линии и частенько ходя и в разведку, и в атаки, а также будучи четырежды раненным (причём одно из ранений — тяжелейшее, в результате которого удалено более половины искромсанного кишечника) — иначе как чудом не назовёшь.

Вернувшись домой, он всю жизнь прожил на станции Кругояр Ужурского района Красноярского края и 47 лет проработал на Красноярской железной дороге. Ветеран труда; имеет трудовые награды.

Всю свою послевоенную жизнь он прожил вместе с семьёй в деревянном домишке без всяких удобств, собственноручно таская воду, дрова и уголь, топя печь, копая свой огород. И то,

244 | что его природный поэтический талант пробил себе дорогу в профессиональную поэзию, находясь в деревенской глухи, вдали от крупных культурных центров, иначе как вторым чудом не назовёшь. Только это, скорее, уже не чудо — а результат многолетней, многотрудной каждой-дневной работы над собой.

Писать стихи и публиковать их в газетах начал со школьной скамьи, с довоенных лет. В настоящее время П. П. Коваленко — автор 17 поэтических сборников. Много печатался в центральной и краевой прессе.

Всю жизнь вёл активную общественную и воспитательно-патриотическую работу в Ужурском районе, регулярно выступая в школах и библиотеках района со своими стихами и воспоминаниями о войне.

Александр Астраханцев
председатель правления
Красноярского отделения
Литературного фонда России

Содержание

| 245

Предисловие 5

1. Паруса любви

«Сойду с ума...»	11
Лена	12
«Ни дождей, ни холода...»	13
«Любовь. А ты когда была?»	14
«В раздумье снова тереблю я чуб...»	15
«Ты слышал, как над нами шепчут звёзды?»	16
Обида	17
«Малина спеет по ночам...»	18
«Над рекою тропочка...»	19
«Кто сказал, что всё позабудётся?»	20
«Что было, то было. Зачем ворошить?»	21
Жажда	22
«Вы можете мне не давать ответ...»	23
«Я женской ласки до тебя не знал...»	24
«Не зарастай, моя тропинка...»	25
«Цыганка- полночь босиком...»	26
Последняя ягодка	27
У степного озера	28
«Опять весна, опять поют ручьи...»	29
На кладбищах ГУЛАГа	30
«Всегда чего-то я хочу...»	31
«Сегодня ты приснилась мне во сне...»	32
Признание	33
На вечерней тропе	34

246	Где ты?	35
	Верность	36
	«Я без тебя, как лодка без весла...»	37
	Зимнее	38
	Ничейная лодка	39
	Свадьба в деревне	40
	Письмо из зимовья	42
	«Уходят дни...»	43
	Октябрь	44
	«Любовь—она судьбой даётся...»	45
	«Не поют на деревне гармошки...»	46
	«Гляжу на венчик первого цветка...»	46
	«Мы опять сегодня порознь...»	47
	Весна в разгаре	47
	«Проводи меня в дорогу...»	48
	«Заласкаю, зацелую...»	49
	«Прошва синяя, прошва жёлтая...»	50
	«Плёс. Ни лодок и ни вёсел...»	51
	Паруса любви	52
	«На зорьке по травушкам-росам...»	52
	«Не упрекай! Я виноват...»	53
	«Снова солнце скрылось за горою...»	53
	«Я думаю о вас...»	54
	«Ты в жизни для меня — как огонёк...»	54
	«После стужи — тепло какое!»	55
	«Солнцем залита пойма...»	55
	Незнакомка	56
	«Я тобой через край переполнен...»	56
	«Я часто думаю о вас...»	57

Вечерние стихи	57
«Ворованной не надо мне любви...»	58
«Если ты не рыдал...»	58
«Всё тише, тише...»	59
Дайте верности руку	59
Золотая свадьба	60
«Ах, сказки, сказки!»	61
«Бабы веники вязали...»	62
Огонёк	63

2. Зов родимой земли

Встреча со сказкой	67
«Здесь был наш дом...»	68
«Был город не какой-нибудь—„Копай“...»	69
Русалка	70
Мельница	72
На охоте	73
«Меня природа очень обделила...»	74
«Здесь ветры, как струны...»	75
«Куда бы я ни укатил из дома...»	76
Отжинки	77
«Засыпает зимним сном берёза...»	78
Вечер в зимовье	78
Крутоярские зори	79
«Пашем землю, травы косим...»	79
«Цветами радуги играя...»	80
«Опять меня волнует осень...»	80
«Я взор свой обращаю к журавлям...»	81
«Я помню детство...»	81

248	«Кукушкин лён да красный клевер...»	82
	«Сверну под голову закат...»	82
	«Уже в степи снежинки не найдёшь...»	83
	«Весенний полдень. На земле трезвон...»	83
	Агитбригада	84
	«По полям, по лугам, по заречью...»	85
	«Я помню деревню на взгорке...»	86
	Куда летишь, моя Россия?	87
	Сторона чулымская	88
	«Седой камыш и серый камень...»	89
	Музе	90
	Раненая птица	90
	«Притихший лес, какой красивый!»	91
	«Какими чудными снегами...»	91
	«Оглушена раскатом грома...»	92
	Ночлег охотника	93
	Судьба моя	94
	«Тóпи, тóпи. Камыш да осока...»	95
	Омут вечной тишины	96
	«Дышал июньский полдень зноем...»	97
	«Опять капелью звонкой растревожен...»	98
	Ледоход	99
	Леденцы	100
	Родник	101
	«В январскую замять на стылую ветку...»	102
	Дед	103
	Встреча с зимой	104
	Накануне	105
	Ах, милая русская печка...	106

Прощанье	108	249
«УАнтошки шире плеч гармошка...»	109	
«На перелёт, мой друг...»	110	
Рябина	111	
«А в Сибири снега, снега...»	112	
Весточка	113	
«Зарится в три, темнеет в десять...»	114	
«Под майским лазоревым небом...»	115	
«В огороде — дым костра...»	116	
«Ни пуха, ни пера!»	117	
«У нас, не где-нибудь вдали...»	118	
Встреча в зимнем лесу	119	
«О, Причулымье! Край лесов...»	120	
«Таёжные дебри и глухи, и немы...»	121	
«Ещё зима, укрывшись по оврагам...»	122	
Майский гром	123	
«Я жил без хлеба...»	124	
«В полях родного Причулымья...»	125	
«Я видел сказку...»	126	
«А годы, как птицы, мелькают...»	127	
«Как пусто, как тихо в январском саду!»	128	
«На щеках её румянец...»	129	
«Над Причулымьем гомон: перелёт...»	130	
«В который раз спешу я в поле...»	131	
«И снова май...»	132	
«Всю ночь валила лёгкая пороша...»	132	
«На пустом пожелтевшем покосе...»	133	
«За озёрами, за протоками...»	133	
«Мы до света уходим из дома...»	134	

250	«Над Причулымьем — птичий пересвист...»	135
	«Пишу и перечёркиваю снова...»	136
	«Ещё, мне кажется, вчера...»	137
	«Вот и ты уезжаешь в город...»	138
	Хороша уха с ерша!	139
	«Я, стальной магистрали поэт...»	140
	Вечер на озере Белом	141
	«Зима, а голуби целуются...»	142
	«Вдыхаю горький дым палов...»	143
	Пробуждение	144
	«У коновязи — ни коня...»	145
	Русская тройка	146
	«Тропинкой иду я к закату...»	147
	«Солнце в глаза...»	148
	«На обветренных скулах...»	149
	«Я люблю эту светлую улицу...»	150
	«И где бы меня ни спросили...»	151
	Страда	152
	«Я просыпаюсь до рассвета...»	153

3. В огне, среди огня

Рассвет на реке Проня	157
«Я в жарких схватках погибал не раз...»	159
И в жизни нет страшней мгновенья	160
«Не приходите плакать на могилы...»	161
Костя	162
За пять минут перед атакой	163
«Она пришла в землянку к нам под Спасском...»	164

Баллада о дуэли	165	251
С нами рядом	166	
Перед атакой	167	
«Я получил твоё письмо...»	168	
«Опять до света не сомкнул я глаз...»	169	
Мальчишка из Рязани	170	
«С вещмешком солдатским за плечами...»	171	
Подмосковные берёзы	172	
«За боем — бой. И снова бой...»	174	
В поле	175	
«Иду один я вечером...»	176	
«Мы в огне, среди огня...»	177	
Высотка	178	
«Из семерых вернулись двое...»	179	
Заслон	180	
Прачка	181	
«В неё влюблён был		
весь гвардейский полк...»	182	
«Уходит в ночь разведка полковая...»	183	
Так было	184	
«Снег — в глаза, смерть — в глаза...»	185	
Окопы	186	
«Ещё один поник закат...»	186	
«И через годы мне		
припомнить страшно...»	187	
«Нас память возвращает в пекло боя...»	187	
«Разъезд, ничем не знаменитый...»	188	
«Под Вязьмой сосны — восковые свечи...»	188	
«Я помню, был не обделён когда-то...»	189	

252	«Едва засветилась полоска рассвета...»	189
	Солдатский хлеб	190
	«Опять прикованный к постели...»	190
	«Не привыкну. Никак не привыкну...»	191
	На линии огня	191
	«Много пишут, много говорят...»	192
	Быть или не быть?	192
	Коростель	193
	Под Берлином	193
	Высота	194
	«Мы ушли из школы в маршевые роты...»	194
	«Поёшь? Пою...»	195
	В последний миг	195
	Солдату долго спать нельзя	196
	Команда перед боем	196
	Каска	197
	«Дымился след кровавый на снегу...»	197
	Мои стихи	198
	«Зачем обманывать себя?»	198
	«Просыпаюсь... Потный лоб...»	199
	Нейтралка	199
	В разведке	200
	Баллада о солдате-новичке	202
	Письма на фронт	204
	Солдатский долг	205
	«На войне выходных не бывает...»	206
	Возвращение из разведки	207
	«Четыре дня, захваченный в тиски...»	208
	«Бывало и такое на войне...»	209

А жизнь идёт	210	253
Солдаты войны	211	
Памятник	212	
Встреча в разведке	213	
«Осень... Холодные чёрные ливни...»	214	
На поле боя	215	
«Мы принесли коллекции с войны...»	216	
«От раны умирает фронтовик...»	217	
«Столько лет ношу я шрам на теле...»	218	
Фронтовые дороги	219	
Поезда времени	220	
Комбат	221	
Горечь победы	222	
«Я не ушёл с передовой...»	223	
Вечный бой	224	
«Снится пепел деревни...»	225	
«Полгода лежал безнадёжно...»	226	
«Всю ночь в окно стучится осень-птица...»	227	
«Лес догорал...»	228	
Если...	229	
Высота	230	
«Что ни строчка — война...»	231	
Встреча с фронтовыми друзьями	232	
В палате	233	
Возвращение	234	
Сестра	235	
Окопы — наша крепость	236	
«Душно в комнате и тесно...»	237	
Наступление	238	

254 «Нас ни судьба, ни годы не щадили...»	239
Маки	240
На перекличке	241
Безымянное поле	242
Царица полей	242
О поэте Петре Коваленко	243

ПЁТР КОВАЛЕНКО
Паруса любви

Издание осуществлено Краевым
государственным бюджетным учреж-
дением культуры «Государственный
центр народного творчества Крас-
ноярского края» при финансовой
поддержке министерства культуры
Красноярского края.

Книга подготовлена Красноярским
региональным отделением
Литературного фонда России.

Составители и редакторы
Владимир Зыков
Александр Астраханцев

Дизайн и вёрстка
Олег Наумов

Формат 70 × 84 /32

Усл. печ. л. 16,39

Тираж 300 экз.

Отпечатано в ИД «Класс Плюс»
г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 65
(строение 23) | т. 259 59 60

